

ТОТ, КТО ПРИСМОТРИТ ЗА МНОЙ

Пьеса

Перевод с английского Романа Мархолиа.

Брайану Фиар Круга посвящается.

Действующие лица.

Майкл

Адам

Эдвард

Место действия: тюремная камера.

Время действия: наши дни

Пролог.

В темноте слышен голос Адама, который напевает вполголоса "Someone To Watch Over Me". Его голос постепенно усиливается, одновременно с этим прибывает свет. Адам перестает петь.

Сцена первая.

Полный свет. Элла Фицджеральд поет "Someone To Watch Over Me". Эдвард и Адам в тюремной камере. Каждый из них прикован цепью к стене. Эдвард - в центре. Адам - справа. Цепи достаточной длины, чтобы узники могли свободно передвигаться по камере. Эдвард одет в свободную голубую майку и белые футбольный трусы. Адам одет в черную тенниску и серые шорты. Они делают гимнастические упражнения в тишине. Адам двигается резко.

Движения Эдварда более размеренны.

Эдвард. Помнишь это у Эллы Фицджеральд? "Someone To Watch Over Me".

Адам. Что это?

Эдвард. Мой восьмой и самый любимый диск из серии " Мои диски для необитаемого острова". Классный выбор. Хорошая старая Элла Фицджеральд. У вас есть в Америке такая серия "Диски для необитаемого острова"?

Адам. Нет. А что это?

Эдвард. Ты покупаешь восемь дисков. Среди них один, на твой выбор, бесплатный. Затем, в придачу, получаешь еще подарок. Потом книгу, тоже на выбор, или Библию, или Шекспира. Все это сюда уже входит, в эту серию "Для необитаемого острова". Я выбрал книгу - *Руководство для домашнего варения пива*, а подарком мне стала настоящая пивоваренная машина. Сама Элла Фицджеральд пела бы мне на этом острове. И я бы был там счастлив. Меня легко ублажить. Я, вообще-то, легкий по жизни человек.

(Пауза.)

О, господи, скука, скука, проклятая скука. И они достигли вершины горы в Челтенхеме. Восходящая заря была обессилена, она была измучена, великая ирландская скаковая, которой не было равной в конюшнях Челтенхема и Золотого кубка, она выложились и взяла барьер, она собралась с силами в воздухе, она измотала их, обогнала одного, другого, третьего, победный рубеж уже виден, она сделала это, она победила. Восходящая Заря Ирландии.

(Пауза.)

Господи, как это глупо, что у меня не было денег, чтобы поехать на ней. Восходящая Заря. Я когда-нибудь тебе рассказывал о ней?

Адам. Это была твоя любимая лошадь. Она выиграла все главные бега. Она была великолепна. Ты любил ее и женился бы на ней, если бы была возможность. Но она была лошадью, а ты человеком. К тому же, она была протестанткой, а ты - католик. И вы оба уже были женаты. Ты рассказывал мне о Восходящей Заре.

Эдвард. Язвительный янки. Она была герой, эта лошадь.

Адам. Так или иначе, Я не хочу больше ничего слышать об этом.

(Пауза. Адам энергично отжимается.)

Сколько раз ты отжался?

Эдвард. Не считал.

Адам. Сколько?

Эдвард. Двенадцать.

Адам. Нет.

Эдвард. Пятнадцать.

Адам. Нет.

Эдвард. Двадцать.

Адам. Одиннадцать. На один раз больше, чем вчера.

Эдвард. Да.

Адам. Давай, Эдвард, шевелись, мы должны держаться. Я приведу тебя в форму. Ты ведь не против? Мы бы могли устроить соревнования, когда ты приведешь себя в форму.

Эдвард. Мне это не волнует, ни соревнования, ни мой форма.

(Пауза.)

Адам. Да, да, я знаю, о чем ты думаешь. Кого я обманываю? Кого, черт подери, я обманываю? Себя. Вот кого. Не мучайся. Не вини себя. Я чуть было не свихнулся от этого. Но я не свихнусь.

(Пауза.)

Эдвард. Скука, скука, Господи, какая скука. Я схожу с ума.

Адам. А я не схожу.

Эдвард. Я начинаю ненавидеть себя.

Адам. Ну и зря.

Эдвард. Я представляю, где бы я мог быть сейчас, если бы не поехал в эту страну.

Адам. Ну и где бы ты был, если бы не поехал сюда?

Эдвард. Дома, и мечтал бы попасть в какое-нибудь такое же место, как это.

Адам. Да.

(Эдвард смеется.)

Эдвард. Есть те, кто просто не могут усидеть дома. И наш Эдди- один из них. Отец оказался прав. Опять и опять прав. Он будет большим человеком этот мальчуган, никогда не закинет, не станет прятаться от опасности. Посмотрите, где он приземлился сегодня? Далеко за океаном. Ни в Америке, ни даже в Австралии, а на земле проклятого Ливана. Господи, смог бы я найти это место на карте, прежде чем попал сюда? Я оставил дома свою теплую постель, чтобы найти здесь эту. О, Боже, взгляните сюда. На эту грязь. Прикованный к стене. Без женщин. Еда, годиться лишь для свиней. Никогда не понять, утро сейчас или ночь. Ты не знаешь, жив ли тот, кто прикован рядом с тобой или мертв. Ты не можешь даже один сходить в туалет без того, чтобы кто-то не наблюдал за движениями всех твоих внутренностей. Жара, пыль, вонь. Проклятая духота. Но я, все-таки, скажу тебе. Это лучше, чем оказаться в Страбоне.

Адам. А что это такое, Страбон?

Эдвард. Если ты когда-нибудь захочешь убедиться, что бога нет, поезжай в Страбон. Говно на палочке, сладкий Страбон. Он, конечно, не так плох, как Омах. Омах, Омах, сохрани нас всех, боже, от Омаха. В Омахе есть госпиталь и церковь. Госпиталь немного похож на Шартрез. Я ввинтил одной женщине в Омахе, однажды ночью. Когда я взглянул на нее при свете дня, мне показалось, что это - мужчина.

Адам. Ты был уже женат тогда, когда путался с ней?

Эдвард. Не помню. Почему ты спрашиваешь?

Адам. Чтобы поддержать разговор.

Эдвард. Ты осуждаешь меня.

Адам. Я не осуждаю.

Эдвард. Ладно, просто слушай. Позволь мне выговориться, потом ты все это соберешь, все склеишь. Интересно, какого монстра ты из меня сделал после двух месяцев исследования. Какое детство, по-твоему, у меня было?

Адам. Невероятно счастливое, я думаю. Ты не вспоминаешь свою мать. Это странно. Еще кое что странно. Ты редко говоришь о своих детях.

Эдвард. Редко.

Адам. Почему?

(Пауза.)

Эдвард. Я их не знаю. Работал слишком много, гулял слишком много. Отец мой такой же, как и я, в этом смысле. Я не знал его, пока не стало слишком поздно. Я не знаю их. А теперь уж никогда и не узнаю. Потому что мы будем здесь еще очень долго. Они станут мужчинами и женщинами, к тому времени, когда я их снова увижу. Если вообще их увижу.

Адам. Ты ирландец. Ты из нейтральной страны. Они выпустят тебя.

Эдвард. Ты считаешь, что я не думал об этом? Ты думаешь, я не размахивал перед их носами зеленым паспортом вопя "Ирландия, Ирландия?" Они просто приставили мне пушку к заднице и засунули сюда. Зеленый паспорт, нейтральная страна? Что это значит для этих парней? Дыши спокойно, Адам. Мы состаримся, прежде, чем выберемся отсюда. Мы сгнием здесь. *(Пауза.)* Мы сгнием здесь.

(Адам начинает делать упражнения снова.)

Эдвард. Ради бога, ты не хотел бы передохнуть? Все еще хочешь оставаться американцем?

Адам. А ты бы хотел, чтобы я стал арабом?

Эдвард. Я не настолько люблю арабов. Песок вздувает им рубашки, а им не позволено чесаться. Зуд заставляет их быть такими, какие они есть, горячими.

Адам. Ты довольно разгорячился сегодня.

Эдвард. А с тобой этого никогда не бывает?

Адам. Я бы никогда не стал показывать это, если б и было.

Эдвард. А стоило бы. Это придает сил для сражения.

Адам. Я не люблю войну.

Эдвард. Ты на самом деле ее не любишь? Мне кажется, что война была нашим бизнесом, у каждого по-своему. Я делал о ней репортажи, а ты - что делал ты? Когда нас притесняли с севера, мы, пацаны, больше всего ненавидели итальянцев. Я помню почему. Им очень нравилось фотографировать детей. Детей плачущих, детей разорванных на куски, особенно мертвых.

Адам. Мне это не интересно. Я не фотограф.

Эдвард. Да, но кто ты такой? Человек с чистыми руками? Ты наблюдаешь за сражением, исследуешь, как война влияет на невинные детские головки? Как это гуманно, доктор. Взбудораженная детская психика. Ты бы хотел взбудоражить тех там, не так ли? Исследования, публикации, прибыль, как я и говорил. Делаешь свой бизнес. Так же, как и я, Адам. Делаешь свой бизнес. Очень профессионально, Адам. Очень прибыльно. Очень по-американски.

Адам. Кусок дерьма.

Эдвард. Бабки, Адам. Ты здесь из-за бабок.

Адам. А ты, почему ты здесь? По твоему собственному грязному признанию...

Эдвард. Это было мое грязное признание. Я сам признался, что здесь из-за денег. Ты не признавался, но делал. Так кто из нас кусок дерьма? Ты.

Адам. Как бы я хотел разmozжить твою голову. Я просто готов убить тебя. А если буду слушать дальше, то и убью.

Эдвард. Ты не сможешь, Адам. Даже если бы мог, ты бы этого не сделал.

Адам. Заткнись.

Эдвард. Ты не киллер. В тебе этого нет. Разве это плохо, доктор?

Адам. Они не сломали меня, пока еще.

Эдвард. Арабы? Нет, но я сломал тебя, не так ли?

Адам. Почти. Но зачем тебе это?

Эдвард. Настало время, и я раскусил тебя. Ты думал, что у тебя есть ответы на все вопросы. Нет. Я добрался до чего-то в тебе такого, на что у тебя нет ответа. Я не знаю, что скрывается в твоей блестящей головке, но я знаю, что твоя невозмутимость дала трещину, это так, но лучше бы нам обоим быть всерьез наготове. Еще кое-что об этом месте, мы здесь вдвоем, и мы должны вдвоем выбраться отсюда. Мы выберемся отсюда живыми. Одна только просьба - позволь мне не цацкаться с тобой, а ты можешь не щадить меня. Согласен? Таким образом, как ты сказал, они не смогут победить нас, потому что мы будем способны сражаться за свои жизни.

Адам. Мы выберемся отсюда живыми?

(Пауза.)

Адам. Я боюсь. Я скучаю по дому.

Эдвард. Это то, что я хотел услышать.

Адам. Я сказал это. Что еще?

Эдвард. Сказав это, ты стал на шаг ближе к дому.

Адам. Эдд, не мучай меня. Не своди меня с ума. Скажи, что ты тоже хочешь домой.

(Пауза.)

Эдвард. Я хочу домой.

Адам. Скажи еще.

Эдвард. Я хочу домой.

Адам. Вот и хорошо, Эдвард.

Эдвард. Я хочу свою жену.

Адам. С ней все хорошо.

Эдвард. Мои дети, я хочу их видеть.

Адам. Ты их увидишь.

Эдвард. Моя жена, мои дети, Боже, пожалуйста, позволь мне поговорить с ними. Позволь мне уйти домой.

Адам. Нет.

Эдвард. Я хочу уйти домой. Арабы, Арабы-

Адам. Нет.

(Пауза.)

Эдвард. Мы сходим с ума.

Адам. Мы в Ливане.

Эдвард. Да.

Адам. Я в Ливане.

Эдвард. Я тоже.

(Эдвард поет 'Someone Watch Over Me'. Его голос стихает, так же, как и музыка песни. Свет гаснет.)

Сцена вторая.

В камере появился Майкл. Он тоже босой, одет в белую майку и черные шорты. Он прикован цепью к стене слева. Слышна музыка песни в то время, когда нарастает свет. Майкл спит. Адам читает Библию, Коран лежит рядом открытый. Эдвард лежит на полу, наблюдая за Майклом.

Эдвард. Никаких признаков жизни от этого новичка. Как ты думаешь, как долго он будет в отключке?

Адам. Он скоро очнется.

Эдвард. Бедный мудака. Он будет слегка шокирован, если надеется увидеть дневной свет. Он должно быть хорошенько отдохнул за эти двадцать часов. Я думаю, что он скоро проявится.

Адам. Да, должно быть.

Эдвард. Новый постоялец оживит это место. Я надеюсь, он говорит по-английски. Господи, я надеюсь это не начало столпотворения. Как ты думаешь, сколько таких, как мы они могут запихнуть в эту камеру?

Адам. Я не знаю, Эдвард.

Эдвард. Однако, они оставили ему бутылку воды. Если он проснется с жаждой, то сможет ее утолить. Утоли свою печаль, мой мальчик, вытри свои слезы. Стенания и плач в этой долине слез.

Адам. Библейское.

Эдвард. Что?

Адам. Долина слез.

Эдвард. Это то, что ты читаешь? Библия?

Адам. Да.

Эдвард. Это было мило с их стороны оставить нам Библию и Коран.

Адам. Они помогают скоротать время.

Эдвард. Тебе.

Адам. Если ты хочешь почитать, они и для тебя тоже.

Эдвард. Не тот случай. Я ненавижу религию. Все религии. Тебе не повезло.

Адам. Это убивает время.

Эдвард. Религия?

Адам. Чтение.

Эдвард. Почему, ирландцы, так религиозны?

Адам. Почему?

Эдвард. Я задал вопрос.

Адам. Я думаю, потому, что они все время благодарят бога.

Эдвард. За что?

Адам. За то, что они не бельгийцы.

Эдвард. Мне кажется твой парень похож на бельгийца. Вполне возможно он немец. Но я надеюсь, что нет.

(Пауза.)

Немцы и датчане скупили весь запад Ирландии. " Не нарушать частных владений" написано повсюду.

(Пауза)

Это будет дурно с его стороны, если он не говорит по-английски.

Адам. Я говорю по-немецки. Немного говорю.

Эдвард. Тебе хорошо.

Адам. Тебя это раздражает, что я говорю по-немецки?

Эдвард. Немного, лишнее говно в голове.

Адам. Я не говно.

Эдвард. Я не сказал, что ты говно, просто у тебя в голове говно.

(Пауза. Адам возвращается к чтению.)

Великолепное выражение. Говно в голове. Мне нравится.

(Пауза.)

Тебе бы надо завязывать читать при таком свете. Ослепнешь.

(Пауза)

Это забавно, но редко, когда увидишь араба, носящего очки.

Адам. Они и не мастурбируют.

Эдвард. Как же они обходятся?

Адам. А ты? Мастурбируешь?

Эдвард. Никогда.

Адам. Я тоже.

Эдвард. Ну, по крайней мере, до шести утра. Надо же себя немного держать в рамках приличия.

Адам. Мой рекорд был пятнадцать раз за ночь, я не могу на себя пожаловаться.

Эдвард. Какая-нибудь арабка?

Адам. Просто американка. Мне нравятся американские девушки.

Эдвард. У меня было забавно с одной арабкой. Она была одета только в чадру. А на мне была шерстяная юбка.

Адам. Зачем?

Эдвард. Она была с фантазиями. Но мне это нравится. Это делает женщину уникальной. Было забавно.

Адам. Я люблю себя немного постимулировать.

Эдвард. Стимулировать? Придумывая?

Адам. Ирландцы не любят попридумывать?

Эдвард. Мы изобрели это. Мы это называем поддать.

Адам. А от чего заводится твоя жена?

Эдвард. От бутылки водки. А твоя девушка?

Адам. Она из Калифорнии. Ей нравится воображать, что она спит с богом. Это заводит ее.

Песня песней Соломона. " Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина...

Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты?...Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему; он пасет между лилиями... Беги, возлюбленный мой; будь подобен серне или молодому оленю на горах бальзамических."

Эдвард. Не плохо. Я знаю кое-кого, кто завелся бы на это.

Адам. Я бы завел ее, потом бы она завела меня.

Эдвард. Как?

Адам. Она говорит, что у меня такой член, о каком мог бы мечтать и осел.

Эдвард. Ну и член!

Адам. Ну и осел!

Майкл. Я очень извиняюсь, но где я?

Эдвард. Неужели это Вы? Неужели?

Майкл. Простите?

Эдвард. Вы не узнаете меня? Мы ходили вместе в школу.

Майкл. Я так не думаю.

Эдвард. Итон, не так ли? Или Харроу?

Майкл. Нет, где я?

Эдвард. В офицерском кафе *Брит Бой*. Немного не прибрано и безвкусно, но ты к этому привыкнешь. Мы же привыкли. Итак, что там у нас с внешним миром?

Майкл. Кто вы? Почему я здесь?

Эдвард. Посмотришь киношку. Если тебе повезет, то потом еще и покормят.

Адам. Перестань, Эдвард. С тобой все в порядке, приятель?

(Майкл в легкой истерике.)

Майкл. Я просто хочу понять, где я и кто вы такие.

Адам. Говори тише, кретин, ты хочешь, чтобы с нас спустили шкуру?

Майкл. Я шел на рынок, я искал фрукты, груши, потому, что я пригласил коллег из университета на ужин, а на десерт я хотел испечь грушевый пирог, я шел на рынок-

Эдвард. Грушевый пирог?

Майкл. На десерт. У меня приглашены люди к обеду.

Эдвард. Тогда, они уйдут голодными, дорогой.

Майкл. Почему я прикован?

Эдвард. Ты взят в заложники.

Майкл. Похищен?

Эдвард. Да.

Адам. Меня зовут Адам Каннинг. Я - американец.

Эдвард. Эдвард Шеридан. Ирландец.

Майкл. Я - англичанин.

Эдвард. Несомненно.

Майкл. Кто меня похитил?

Адам. Мы точно не знаем.

Эдвард. Они не слишком-то болтливы.

Майкл. Почему они похитили меня?

Эдвард. Потому, что ты - англичанин. Какое ужасное невезение. Здесь нет крикета.

Майкл. Зачем они забрали всю мою одежду?

Эдвард. Они хотят быть уверенными вдвойне, что ты останешься.

Майкл. О, Боже, я прикован к стене.

Эдвард. Да, это правда. Так же, как и мы, черт бы тебя побрал. Так, что лучше расслабься и получи удовольствие.

Майкл. Как это, получи удовольствие?

Эдвард. Смейся, не правда ли, Адам. Так мы справляемся со всем этим. Смейся надо всем. Ты не любишь смеяться? У тебя нет чувства юмора?

Адам. Отомри, приятель.

Майкл. Как долго вы здесь?

Адам. Четыре месяца.

Эдвард. Два месяца.

Майкл. Меня зовут Майкл Уоттерс.

Эдвард. Ну так как там снаружи, Майкл? Можно, я буду звать тебя Мик? Там много говорят о нас?

Майкл. Простите?

Эдвард. Люди говорят о нас? Ты что-нибудь слышал о наших людях? Что они делают, чтобы освободить нас?

Майкл. Я не знаю.

Эдвард. Что это значит, ты не знаешь?

Майкл. Я только приехал в Бейрут, я действительно еще ни с кем по-настоящему не знаком-

Эдвард. Люди должны были говорить о нас-

Майкл. Может, они и упоминают о вас мимоходом.

Эдвард. " Мимоходом"? Да понимают ли они через что мы прошли?

Адам. Про нас забыли?

Майкл. Они живут своими жизнями. Если бы они думали слишком много об этом, о вас - они бы - они бы...

Адам. Что? *(Пауза.)* Что бы они?

Майкл. Я не знаю. Я действительно ничего не понимаю в политической ситуации Ливана. Я приехал сюда учить английский. Я преподаю английский. Это все. Вот почему я пригласил людей к себе на ужин. Чтобы немного освоиться. Я собирался на рынок. Хотел купить груши на десерт. Они остановили меня. У них были пушки. Я так испугался. Я сказал им, что я просто учитель английского в университете. Я так испугался. Боже, где я? Боже, дай мне выбраться отсюда. Помоги мне выбраться.

Адам. Ну, хватит. Ты не должен позволять им слышать свои вопли. Они слышат, тебя, когда ты говоришь. Они бы хотели, чтоб ты заплакал. Никогда не делай этого здесь. Я предупреждаю тебя, не плач. Это то, чего они хотят. Поэтому не плач. Смейся. Ты слышишь меня? Смейся.

Майкл. Я не могу.

Адам. Смейся, чтоб тебя.

Майкл. Нет. *(Эдвард начинает громко смеяться. Останавливается. Адам смеется громко, Эдвард к нему присоединяется. Они останавливаются.)*

Адам. Ну же, Майкл. Смейся.

(Майкл смеется.)

Еще.

(Майкл смеется громче. Адам и Эдвард присоединяются к нему. Они останавливаются. Адам делает знак Майклу продолжать смеяться, что тот и делает.)

Классный парень. Это то, что ты должен был сделать. Они услышали, что ты смеешься.

Майкл. Что они сделают теперь?

Адам. Подожди и увидишь.

(Пауза.)

Они в мирном настроении сегодня.

Эдвард. Они даже не засмеялись в ответ.

Адам. Миссия окончена, Майкл. Часть первая.

Майкл. Кто они?

Эдвард. Враги.

Адам. Еда нормальная. Нам дают по бутылке воды каждый день. Они позволяют нам пользоваться ванной, но идут с нами. Мы никогда не бываем одни. Вот насколько мы не свободны. На нас всегда эти цепи, и это особенно унижительно. Нам позволено читать Библию и Коран. Но, что хуже всего, у нас нет ни малейшего представления о том, что происходит там, во внешнем мире.

Эдвард. Мы даже не можем слушать BBC World Service.

Адам. Да, не можем.

Эдвард. Отсутствие связи с внешним миром. Похоже, это входит в условия игры.

Адам. Вот какие дела в Китайском квартале.

(Пауза.)

Эдвард. Ты женат?

Майкл. Вдовец, к сожалению, уже несколько лет. Детей нет.

Эдвард. А собаки?

Майкл. Коккер спаниель и golden retriever. Они в доме у моей матери. Близ Петерборо. Она живет-

(Пауза.)

Адам. Я был врачом.

Эдвард. Им и остаешься. Я - журналист.

Майкл. Я потерял свой университетский пост. Не слишком-то изучают древний и средневековый английский в наши дни. Интерес умирает. Рационализация ресурсов. Так говорят. Поэтому, как только мне предложили работу здесь, я сразу же приехал. Мне очень нужна была работа. Меня предупредили об опасности. Я волновался. Но я запретил себе бояться. Вот и приехал сюда.

Адам. И был схвачен.

Майкл. Да.

Эдвард. Да.

(Пауза.)

С тобой все в порядке?

Адам. Ты привыкнешь к этому. Со временем.

(Пауза.)

Эдвард. Кто же пришел на ужин?

Майкл. Я делаю грушевый пирог.

(Пауза.)

Я думаю, что все идет хорошо, даже очень хорошо, но в тот момент, когда я уже готов поставить его в духовку, газовая горелка на седьмой метке, я понимаю, что не могу найти груши. Груши. Я забыл груши.

(Свет гаснет.)

Сцена третья.

Эдвард Листает Коран. Майкл сидит с закрытыми глазами. Адам делает пробежку на месте.

Адам. Если бы мы могли пойти в кино.

Эдвард. Хм.

Адам. Господи, как бы я хотел посмотреть хорошую ленту.

Майкл. Да.

Эдвард. Ты любишь фильмы?

Майкл. Да.

Эдвард. Ты мне казался скорее книжным человеком.

(Пауза.)

Майкл. Хорошую книгу я тоже люблю.

(Пауза.)

Но сейчас, я предпочел бы посмотреть хорошую ленту.

Эдвард. Почему ты называешь это лентой? Разве англичане не говорят фильмы?

Майкл. Я просто сказал лента. Что тебе не нравится?

Эдвард. Да, просто, звучит странно.

Майкл. Ну, извини.

Эдвард. За что ты извиняешься?

Майкл. За то, что я сказал ленты, а это тебя раздражает.

Эдвард. Это не раздражает.

Майкл. Тогда, почему ты заиклился на этом?

Эдвард. Разговора ради.

(Адам закончил бег.)

Адам. Я б хотел сходить в кино.

Эдвард. Ты сказал. Мы услышали.

Адам. Да.

(Пауза.)

Майкл. Я не думаю, что хотел бы стать кинозвездой.

Эдвард. Почему?

Майкл. Мне думается, что жизнь актера довольно скучная.

Эдвард. Да.

Адам. Да.

(Пауза.)

Эдвард. Да, скучотища.

Адам. Да.

Майкл. Да.

Эдвард. Нет.

Майкл. Нет.

Эдвард. Что значит 'нет'? Ты только что сказал 'да'.

Майкл. Я согласился с тобой. Я думал, что ты согласен со мной. Поэтому я сказал 'нет'.

Эдвард. Ты говоришь 'нет', когда с кем-нибудь согласен?

Майкл. Если он говорит - нет, то да.

Эдвард. Так да или нет?

Майкл. Что?

Эдвард. Заткнись!

(Пауза.)

Давайте смотреть кино. Снимать кино. Англичанин в Ливане.

Адам. Будучи хорошо воспитан, он приглашает гостей к обеду. Не то, что бы они ему нравились, но они говорят по-английски и похожи на тех, кто знает все ходы и выходы, поэтому смогут сделать его жизнь в этом городе вполне сносной. Он намерен угостить их. Но есть одна проблема. Продукты. Он собирает всю свою смелость и идет через центр Бейрута в поисках пищи. К его удивлению, на некотором расстоянии от себя он видит тех самых людей, которые приглашены на ужин. Он окликает их, но они не отвечают. Он зовет их опять, он идет за ними, они направляются в тот квартал Бейрута, который он не знает. Он следует дальше, уже понимая, что в подал в западню, он видит их впереди, он опять кричит им. Они убегают и бросают его. Финал фильма.

(Пауза.)

Хичкок. Вот, кто сделал это кино.

Эдвард. Не выношу Хичкока.

Адам. Почему?

Эдвард. За его финалы.

Адам. Да.

(Пауза.)

Снимай другой фильм.

Эдвард. Монахиня приезжает в Бейрут. Она приезжает сюда, чтобы исполнить свой христианский долг по отношению к сиротам этого несчастного города. Сначала, она вступает в дружеские отношения с козой и бродит по разрушенному войной городу. Она считает ее своей компаньонкой и поет ей под гитару. Маленькие дети слышат ее пение и присоединяются к ней, волшебным образом понимая английский. Наш счастливый оркестр участвует в сражениях, они побеждают жестокого врага, и обращают половину Ливана в свою веру- любовь к ближнему. Но не все довольны успехом сестры. Она обезврежена, как и ее гитара. Один из детей кладет расстрелянный инструмент рядом с безжизненным телом монахини ,когда они прощаются с ней.

Адам. Песня Мадонны.

Эдвард. В то время, когда закапывают гроб, сбегаются хищники. Они смотрят на мертвую монахиню голодными глазами.

Адам. Они стаей бросаются на ее тело. Они начинают терзать ее плоть. Группа грозных арабских всадников появляется на белых скакунах. Сияющая плоть их лошадей выгодно контрастирует с обескровленным телом мертвой мученицы. Они достают свои пушки. Головы хищников разлетаются вдребезги.

Эдвард. Сэм Пекинпах продакшинз.

Майкл. Посреди этого ужаса раздается музыка. Человек, проповедующий мир, движется сквозь эту грозную толпу. Он выступает против насилия. Он говорит о цивилизации. Это человек мира.

Адам. Ричарда, блядь , Аттенборо фильм.

Эдвард. К счастью, в этот момент, на сцене неподалеку танцует группа крестьян, размахивая своими косами. Безупречно фотогеничные, они завоевали сердца жестоких арабов, тем, что среди них был один увечный, слепо- глухо- немой мечтавший стать актером. С помощью своей матери и собственной настойчивости, в конце- концов, он завоевывает Оскара, на который теперь он может вылечить свои больные уши-

Адам. О, Господи, только не Ирландское кино, пожалуйста-

Эдвард. И они зажили счастливо.

(Пауза.)

Мы в дерьме.

Майкл. По всей видимости, да.

Эдвард. Ну и что ты думаешь?

(Пауза.)

Давай, подбодри нас. Подними нам дух, старина. Расскажи нам все о войне. Многие ведь прошли уже, через все это. Блестящий пример для всех нас. Позволь нам услышать, что это все во имя Британии.

(Пауза.)

Ты что, в отчаянии? Ты уже распрощался со своей жизнью,? Так, что ли?

Майкл. Тебя я боюсь не больше , чем их.

Эдвард. Ну же, дай нам это услышать -

Майкл. Ты понял о чем я. Я не боюсь вас.

Адам. Он не боится тебя, Эдвард.

Эдвард. Он не боится и тебя, Адам.

Адам. Он ничего не боится.

Эдвард. Нет, не боится.

Майкл. В этой ужасной ситуации-

Эдвард. В этой ужасной ситуации-

Майкл. В какой мы оказались-

Эдвард. В какой мы оказались-

Майкл. Я с трудом понимаю, каким образом мучая меня-

Эдвард. Я с трудом понимаю-

Майкл. Вы пытаетесь облегчить-

Эдвард. Облегчить - облегчить - облегчить - облегчить - облегчить.

Майкл. Вы хотите, чтоб я признался, что боюсь вас?

(Пауза.)

Это то, что Вам нужно?

(Пауза.)

Неужели этот извращенный способ поможет вам меньше бояться самих себя, потому что вы очень испуганы, и я нахожу это откровенно омерзительным, что вы объединяетесь против меня, по единственной причине - найти себе в этом опору в борьбе против них. Мы здесь все вместе. Не забывайте это. Если уничтожат меня, уничтожат и вас.

(Пауза.)

Адам. Снимаем кино.

Эдвард. Три мудака сидят в Ливанской тюрьме. Англичанин, ирландец, и американец. Никому нет дела, что они в тюрьме, ведь они в Ливане по своим личным делам.

Адам. Американец попался первым. Когда он был на свободе, то боялся сойти с ума.

Эдвард. Ирландец попался вторым. Он сошел бы с ума без американца. К ним, этим двум мудакам, присоединили третьего- англичанина.

Майкл. Англичанин не мог понять, сошли ли с ума эти двое или нет, находясь в камере.

Похищение поразило его самого до сумасшествия, поэтому он старался не потерять голову перед лицом их грубой провокации-

Эдвард. То, что он их не испугался уже доказывало, что они не сошли с ума.

Адам. Со своей стороны, они были признательны ему за это доверие.

(Пауза.)

Майкл. Вы дьявольски меня напугали.

Эдвард. Англичане, также, всегда пугают меня. Что же до ебнутых американцев-

Майкл. Да, они все довольно двинутые-

Эдвард. Ты можешь себе представить, что это значит оказаться здесь с этим янки-

Майкл. Да, это должно быть не сладко-

Адам. Блядь, что за говно вы несете?

Майкл. Я бы хотел, чтоб мы не ругались. Мой язык стал превращаться в помойку, с тех пор, как я встретил вас обоих. На самом деле, я чувствую, что мы сами отдаемся их власти, когда позволяем себе опускаться до вульгарности- нет, я, все-таки, лицемерный ханжа. Извините.

(Пауза.)

Я просто хотел сказать, что считаю фильмы Ричарда Аттенборо вполне добротными. Он потратил более двадцати лет, чтобы снять *Ганди*, и этот фильм- доказательство его честности, профессионализма, и откровенных политических взглядов-

Эдвард. Майкл?

Майкл. Что?

Адам. Говно.

Майкл. Хорошо, он немного длинноват, этот *Ганди*.

(Пауза.)

Адам. Мне интересно, чтобы сделал Сэм Пэккинпах с биографией Ганди.

Майкл. Ганди был бы расстрелян в первой же части.

Адам. Но Ганди и был расстрелян в первой части фильма Аттенборо.

Эдвард. Правда?
Майкл. Да.

(Пауза.)

Здесь, в Ливане, есть стервятники?

Адам. Что ты имеешь в виду?

Майкл. Ну, тот фильм, где Мадонну разрывают стервятники, это на самом деле могло быть здесь, в Ливане?

(Пауза.)

Скорее всего, это была шутка.

(Пауза.)

Стервятники, очень злобные создания, вы это знаете. Я не специалист по их рациону, но однажды слышал по радио замечательное описание-

Адам. Майкл, Я- Сэм Пэккипах. Это пушка.

(Он направляет свой палец на Майкла.)

Ты мертв.

(Он стреляет в Майкла.)

Эдвард. Какая бессмысленная трата человеческой жизни.

Майкл. Ты думаешь, мы выберемся когда-нибудь отсюда?

(Пауза.)

Какой смысл держать нас под стражей?

(Пауза.)

Моя мама не очень хорошо себя чувствует. Она будет очень беспокоиться обо мне.

Как ты думаешь, они, по крайней мере, сообщили ей, что я жив? Я знаю, это звучит не вполне разумно волноваться о матери, когда мы сами находимся в том положении, в каком находимся, но я, действительно, волнуюсь, я волнуюсь так сильно- Мне просто интересно знать, сказали ли они ей, чтобы она не волновалась-

Адам. Я уверен, что сказали.

Эдвард. Да.

Майкл. Да.

(Пауза.)

Все это довольно неприятно, не так ли?

Эдвард. Да.

Майкл. Да.

Адам. От тебя ничего не зависит.

(Пауза.)

Майкл. Мы же не можем быть здесь долго, правда ?

(Пауза.)

Адам. Единственное, что меня не устраивало в Ганди. Он был слишком долгим, этот фильм. Слишком долгим.

Сцена четвертая.

Адам раскачивается взад и вперед и тихо напевает "Someone to Watch Over Me". Майкл переводит свой взгляд попеременно с Адама на Эдварда. Эдвард спит.

Эдвард бормочет во сне. Адам что-то шепчет про себя.

Адам. Мама и Папа, Мама и Папа, Мама, Папа.

Майкл. Это поразительно, как я мало сплю здесь. Тебе тоже тут не очень-то спится, Адам.

Адам. Адам выиграл стипендию, стипендия Адама по исследованию ударений в древнегреческом языке. Ты мною гордишься?

(Адам продолжает напевать "Someone to Watch Over Me".)

Майкл. Эдвард, конечно, умер для мира.

Адам. Нет, они были слишком заняты, слишком много приемных детей, чтобы уделить внимание каждому. Мы приглашаем в дом всех наших бедных маленьких братьев и сестер. Внеси свою лепту в строительство Америки. Об этом они мечтали, в то время, как остальная часть Америки спускала себя в туалет. Адам такой, что поможет.

Майкл. Чем ты мог помочь?

Адам. Адам чистый. Может быть даже слишком чистый. Как он может быть таким чистым?

Адам слишком страдает. Если мы позволим, то он примет на себя все наши страдания.

Избавьтесь от ваших страданий, люди, избавьтесь от ваших приемных детей. О, Боже, помоги мне. Я хочу- что я хочу? Уснуть- просто уснуть. Я не могу. Потому, что когда я сплю, то я вижу сны. Я вижу мою маму и моего отца, и я слышу все сражения в этом доме сражений. Мне снится моя девушка. Мне снится ее семья. Я сам себе снюсь. И мне страшно, потому что я не узнаю себя в этих снах. Боже, помоги мне. Боже, спаси меня. Выведи меня отсюда. Пожалуйста, пожалуйста. Будет, будет, малыш. Упокойся. Я здесь, я здесь, твоя мама здесь. Она сильная. Твой папа любит тебя. Держи себя в руках, добрый, хороший Адам, нам так нужна твоя опора.

(Пауза.)

Майкл. Не могу видеть, как ты мучаешься. Хочешь, я разбужу Эдварда?

Адам. Нет.

Майкл. Я бы хотел, чтоб он проснулся.

Адам. Сколько ты здесь?

Майкл. Четыре недели и три дня. Я держу счет времени.

Адам. И правильно делаешь. Первый месяц ты держишь счет. И второй месяц. На третий месяц появляется Эдвард. Хорошо, ты знакомишься с ним, на четвертый месяц. Он знакомится с тобой весь следующий месяц. Потом тебе хочется убить его. Или ты хочешь убить себя. И худший месяц этот, когда ты не хочешь, чтобы они убили тебя. То, что ты хочешь, это пойти домой. Все время хочешь идти домой. Услышать хоть одного американца, еще один американский голос, кроме своего собственного. Как вы смеете? Я американец. Как вы смеете делать это? Я американец.

(Эдвард просыпается.)

Эдвард. Адам, что происходит?

Адам. Как вы смеете так издеваться надо мной?

Эдвард. Что с ним случилось?

Майкл. Он американец.

Эдвард. Ну, Адам, продолжай.

Адам. Что я сделал вам?

Эдвард. Это я, Эд, это я. Вот Майкл. Это мы.

(Пауза.)

Все хорошо. Все хорошо.

(Пауза.)

Адам. Я держу себя в руках, чтобы быть в форме.

Эдвард. Ты замечательно выглядишь, Адам.

(Пауза.)

Адам. Они не причинят нам вреда. Мы- их самое ценное достояние.

Майкл. Знаешь, я нахожу в этом некоторое утешение. Когда я потерял свой университетский пост, я почувствовал себя не нужным. Понимаешь, я потратил большую часть своей жизни на организацию этого департамента, и вдруг, в один момент, по взмаху чьей-то руки, все это закончилось. Так что, это просто замечательно сознавать свою ценность. Востребованность, в каком-то смысле.

(Пауза.)

Патетично, не так ли?

Адам. Что это значит, быть американцем?

Эдвард. Это значит, родиться в Америке.

Адам. Быть американцем, я повторяю, это большая ценность. Приз, выигрыш, большой, но не нужный. Эта цена, которую постоянно дают за американскую голову. И в своей в голове каждый американец знает себе цену, потому что он живет в рыночной экономике, а в этой экономике все что-нибудь да стоит. Но этот же самый рынок может снизить твою цену, в зависимости от текущей ситуации. И этот солидный куш, этот большой выигрыш, сам американец, не в силах контролировать свою собственную ценность. А тот, кто потерял контроль, тот в жопе. Что американец, что араб. Все мы в жопе. У нас много общего.

(Пауза.)

Как умерла твоя жена?

Майкл. Нита?

Несчастный случай. Жизнь стала другой без нее.

(Пауза.)

Нита, конечно, не хотела бы видеть меня раскисшим, каждый должен справляться с этой прекрасной жизнью, уметь делать вид, что ничего не случилось. Но кое-что все-таки случилось. Профессионально я изменился. До ее смерти я был переполнен идеями для публикаций. Ничего особенного. В основном, английские диалекты. Так вот, после несчастного случая я только и делал, что читал старые английские поэмы и средневековые романы. Изучал их, как мог. Ничего не публиковал. Я потерял свою жену и потерял свои амбиции. Мой прошлый успех в публикациях не помог мне в период реорганизации. Да, так бывает.

Эдвард. Звучит ободряюще.

Майкл. А я и не собирался тебя ободрить. И вообще это тебя не касается. Я отвечал Адаму, он задал мне вопрос. Тебе уже лучше, Адам?

Адам. Нет. Я ненавижу эти семейные трусы. Я хочу носить величайший вклад моей страны в достижение человечества. Модные, белые маленькие плавки. Настоящее мужское белье. Я знаю, почему арабы не могут носить их. Если их трусы не имеют прорехи, то они не в силах найти там свои члены. Я хочу плавки. Я хочу убить араба. Хотя бы одного. Самому закапать его тело, вместо его отца и матери, жены и детей, и сказать им- я это сделал, я , американец. А теперь обвиняйте меня. Вы сами в ответе за то, что сделали со мной. Вы заслужили это. Я хочу видеть их лица, исполненные ненавистью. Настоящей ненавистью. Я хочу, чтобы это было в моей власти.

(Пауза.)

Дай-ка мне Коран, я прочту о Силе Власти.

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

Воистину, мы ниспослали его в Ночь Власти.

А что даст тебе знать, что такое Ночь Власти?

Ночь Власти лучше тысячи месяцев.

Нисходят ангелы и дух в нее с позволения Господа их для всяких повелений.

Она- мир до восхода зари!

(Пауза.)

Она- это и есть мир, Ночь Власти!

Мир в доме, где спят дети.

Каждый в этом мире, кроме Адама, с его головой. Голова Адама горит. Он забыл свои привычки. Исковеркал свою речь. Он сломан. Простите меня, мои сестры и братья, мои враги, за то, что зову вас врагами. В ваших книгах- ложь о дороге к миру и власти.

(Он целует Коран.)

Я пришел в мой сад, о возлюбленный.

Те, кто живут в садах, правоверные, внимающие голосу: заставьте меня услышать это.

Поспеш, мой возлюбленный, и будь для них как косуля и молодой олень в горах пряностей.

Но почему, мой возлюбленный, ты отвернулся от меня? Я принадлежу моему возлюбленному, а мой возлюбленный принадлежит мне.

Эдвард. Ну хорошо, будем мы писать наши письма?

Адам. А что, уже время?

Майкл. Какие письма?

Адам. Домой.

Майкл. Они их отправят? Они дадут нам ручку и бумагу?

Эдвард. Покажи ему, Адам.

Адам. Нет, начинай сам. Ты пишешь своей жене.

Эдвард. Дорогая жена, как тебя зовут, кстати? Эта была шутка. Здесь нет обратного адреса, потому что я не знаю, где нахожусь, к тому же никогда и не знал, как ты могла бы сказать. Ты знаешь, что я не большой мастак писать письма, но мне кажется, что ты просто хотела бы получить от меня весточку. Я чувствую себя хорошо, надеюсь, верю и полагаюсь на тебя и нашу семью. Со мной здесь сейчас двое парней, Адам, американец, который скоро женится и мы сможем приехать к нему на свадьбу, если продадим наш дом, конечно, и Майкл, который англичанин. И этим все сказано. Я не больше тебя понимаю, почему я здесь. Это ужасно держать мужчину или женщину вдали от их семьи, если они ничего такого не совершили. Ну ладно, может я и сглупил сам, поехав сюда, но так, наверное, было нужно, и ты бы не сумела меня остановить - ты же меня знаешь. Скажи мальчикам, пусть болеют за Манчестер Юнайтед. Пусть

оставят свой Liverpool. А болеют за Юнайтед . Скажи им, так же, что их сестра- лучший футболист из всех них. Почему? Потому, что она маленькая грязная обезьянка. Прекрасная, но ужасная. Как и ее отец. Я представляю твой смех, и единственное, чего бы я хотел, так это услышать тебя. Твой муж, Эдвард.

P.S. Кстати, кто, по-твоему, такой, этот Эдвард?

Адам. Совсем не плохо, Эдвард. Майкл, не хочешь попробовать?

Майкл. Дорогая мама, со мной все хорошо. Прости, но обстоятельства не позволяют мне писать тебе каждое воскресенье, как я обещал. Я делю жилище с американцем и ирландцем, поэтому, порой, я захлебываюсь в потоке эмоций, которых я предпочел бы избежать. Охранники, приставленные к нам держаться очень надменно. Наши ужасные соседи снобы Шаукроссы доступней любого из тех, кого я здесь видел. К счастью у Шаукроссов нет носят пушек и ножей. Я надеюсь, что наш новый священник взялся, наконец, за ум, и оставил свою идею проведения фольклорного фестиваля песен и танцев на празднике урожая. Пожалуйста, не поддавайся на попытки соблазнить себя еще раз. Эдвард, ирландец, интересуется футболом. Я надеюсь, что с Петерборо Юнайтед все в порядке, потому, что , как ты знаешь, я тоже болею за футбол. Я пишу это письмо в начале месяца. Так что на счастье. Ни пуха тебе ни пера! На счастье. Твой любящий сын, Майкл. Ну, Эдвард, давай, начинай.

Эдвард. Начинай что?

Майкл. Нападай на меня, за то, что я писал своей маме. Маленький английский маменькин сынок. Мне все равно. Со мной уже это было. Я могу сказать тебе, что были люди, которые были очень удивлены, когда я женился. Посмотрите на него, сидящего здесь и ухмыляющегося.

Эдвард. Я и рта не открывал.

Майкл. Я прочел это в твоём письме. Дорогая жена, дорогие дети. Болейте за Манчестер Юнайтед. Этого достаточно, чтобы меня вырвало.

Эдвард. Я против него хоть слово сказал?

Майкл. Сидит здесь, усмехается-

Эдвард. Ты бы хотел, чтобы я встал и станцевал жигу?

Майкл. Я похоронил свою жену. Я не могу писать ей. Я слышал твое письмо. Это был выпад против меня.

Эдвард. Я и не думал о тебе.

Майкл. " Здесь есть англичанин среди нас, и этим все сказано."

Эдвард. Ты оказался в этой камере-

Майкл. Это не камера. Я в комнате. Я никогда не был в тюрьме и никогда не буду. Кто давал тебе право засовывать меня в камеру?

Эдвард. Ты оказался в этой комнате, ладно-

Майкл. В комнате, именно.

Эдвард. Мы старались помочь тебе.

Майкл. Помочь мне? Каким же образом? Ты говоришь мне в лицо про свою жену. Ты суешь мне под нос своих детей. У меня нет никого. Ладно, ты своего добился. Я раздавлен. Это то, что тебе было нужно, не так ли?

Эдвард. Адам, ты начал это словоблудие, ты и останови его.

Майкл. Он не остановит. Ты смеешься надо мной, потому , что я пишу своей матери.

Эдвард. Послушай, парень, мы сидим здесь вместе в камере смертников, и что тебя, сукиного сына, волнует? То, что я смеюсь над тобой, когда на самом деле я этого не делаю, ты английский-

Адам. Араб? Английский араб? Ирландский араб? Хватит, ребята. Господи, этим парням не нужно разрывать нас части. Мы сами разорвем друг друга.

(Пауза.)

Могу я написать свое письмо? Сейчас моя очередь?

(Пауза.)

Дорогие родственники, это я , все еще в дерьме. У нас появился англичанин, по имени Майкл. С Эдвардом все в порядке. Я тоже держусь. Нет, это неправда. Извините меня, если это расстроит вас, мои дорогие, но вы знаете, я говорил вам уже об этом, что иногда чувствую себя загнанным зверем. Охотники близко. Я слышу запах пороха. Однажды ночью мне приснилось, что я умер. Вы склонились надо мной. Папа, ты потянулся дотронуться до меня , и в тот момент, когда ты прикоснулся ко мне , я вернулся к жизни. Я надеюсь, что этот сон сбудется. Я умираю. Бывают

ночи, когда я слушаю тишину и мне кажется, что мы все умираем. Я не знаю, что мне делать. Единственное, когда мы можем оставить эту камеру, это пойти в туалет. Обычно, они не позволяют нам закрывать дверь туалета. Но на этот раз тот араб захлопнул ее на замок. Я находился там очень долго. Когда дверь открылась, то я увидел, что меня поджидают трое. Один из них протянул руку и указал на меня пальцем.

(Адам показывает это.)

Я был выбран первым. После этого я стал плохо соображать. Может, мне все это показалось. Но я знаю, что палец указывал на меня и очень боюсь. Я люблю вас обоих, Адам.

(Пауза.)

Мужики, что мне делать? Они положили мою задницу на бочку, и я оказался без плавок. Я почувствовал запах масла. Они хотели смазать мне задницу и оттрахать меня до смерти. В задницу. В мою задницу. Они решили убить меня?

(Пауза.)

Итак, это лишь начало месяца, Майкл?

Эдвард. Я не позволю им. Они не убьют тебя.

Адам. Скажи "Не пуха ни пера". На счастье. Скажи.

Адам. Ни пуха, ни пера. На счастье. Ни пуха, ни пера.

(Свет гаснет.)

Сцена пятая.

Эдвард сидит, окончательно проснувшись. Адам сидит согнувшись, мурлыча Someone to Watch Over Me", читает Коран. Майкл спит лежа.

Эдвард. Просыпаться и засыпать, Просыпаться и засыпать, что здесь еще делать а, Майкл? Что тебе снится? Мама в Петерборо? Мы снимся тебе? Снимся?

(Пауза.)

Ты не чувствуешь себя немного подопытным кроликом, Адам?

(Адам продолжает напевать.)

Майкл, ты спишь?

Адам. Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

Эдвард. Посмотрите на него. Спит как младенец. Счастливый в своей колыбели. Мне кажется, что сейчас он меньше страдает, чем когда появился здесь. Может, у него перестали резаться зубки.

Адам. Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

Тебе ниспослано Писание.

Помни имя Господа.

Рядом те, кто наблюдают за тобой.

Те, кто наблюдают за тобой.

Наблюдающие за тобой, за тобой.

Мы ниспослали тебе Писание.

Помни имя Господа.

Скажи неверным,

Я служу не так, как служите вы,

И вы служите не так, как служу я.

Но вам- ваша вера, а мне -моя вера.

Вам- ваша религия. Мне- моя религия.

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного.

Эдвард. Вам ваша религия, а мне моя религия? Коран?

(Пауза.)

Упаси нас Боже, от тех кто уверен в своей правоте. Правы, во имя Господа, который не справедлив и не милосерден, потому что он у них такой же, как они сами, всегда правый. Я проходил уже это дома. Забитые маленькие говнюки, дышащие ужасом, готовые к великой жертве. Они всегда правы, потому что, если они ошибутся, то Бог поможет им. Но если они правы, то Боже помоги нам. Так устроен этот страшный мир, судьба моя такая, сказал слепой, ввинчивая своей собственной матери.

Адам. Я надеюсь, она, хоть, получила удовольствие.

Эдвард. Во имя Господа, Милостивого, Милосердного.

Адам. А если он не такой?
Эдвард. Значит, он не такой.
Адам. Что нам делать тогда?

(Пауза.)

Что нам делать?

Эдвард. Быть людьми.

Адам. А дальше?

Эдвард. Верить судьбе.

Адам. А потом?

Эдвард. Не сдаваться. Не поддаваться им. Бить их. Никогда не показывать своей боли.

Адам. Никогда.

Эдвард. Никогда.

(Пауза.)

Адам. Первое, что сводит с ума здесь- это то, что никогда не знаешь какое сейчас время суток. Мне кажется, сейчас ночь.

Эдвард. Думаю, что да.

Адам. Ты боишься темноты?

Эдвард. Здесь потемнело, в этой комнате. Я слышу, как враг окружает меня. Стережущий, ожидающий, что я расколуюсь, зарыдаю. Они думают, что я в их власти. Каждый из нас. Они решают жить нам или умереть. Это зависит от них. Но есть одна вещь, которая все еще зависит от меня. Меня самого. Смогут они или нет, превратить меня в ублюдка, чтобы они не делали со мной? Они не смогут. Они сами стали ублюдками, заперев нас здесь. Неважно почему они это делают, все равно они не люди. Вот, что я хочу сказать. Я лучше, чем любой из них, я бы не стал их мучить. Это мой собственный выбор. Они делают, что им приказано. Я делаю, что хочу. Скованный цепью, на всеобщем обозрении, но не потерявший достоинства. Во имя Господа Милостивого, Милосердного.

(Пауза.)

Адам. Мы в их руках.

Эдвард. Мы в своих руках.

Адам. Руках судьбы?

Эдвард. Доверься ей, я сказал. Доверься.

(Пауза.)

Адам. Присмотри за Майклом. Он все больше и больше паникует.

Эдвард. Он учиться отстаивать себя.

Адам. Это не в его силах.

Эдвард. Как ты думаешь, он вообще был когда-нибудь женат? Что могла его жена найти в нем?

Адам. Что твоя жена нашла в тебе?

Эдвард. Больше, чем стакан воды в старости, можешь мне поверить.

Адам. Ты ему будешь нужен.

Эдвард. Давай прекратим этот треп. Почему ты говоришь так, будто тебя уже здесь нет? Не теряй голову, парень. Ты все еще ценный товар. Мы их племенные коровы. Ты таких держал бы для выставки. Есть еще кое-что про запас. Если эти парни уберут тебя, я не буду здесь долго ждать пред жемчужными воротами. Если я останусь здесь, наедине с Майклом, то покончу с собой.

Адам. Убьешь себя? Ты? Никогда.

Эдвард. Ну, знаешь. Ты никогда не был на профсоюзном собрании. Самая медленная форма самоубийства, известная человеку.

Майкл. Вы говорите о самоубийстве?

Эдвард. Ты не спишь, гаденыш?

Майкл. Я только что проснулся. Вы что-то говорили о самоубийстве?

Адам. А ты пробовал?

Майкл. Я подумывал об этом после смерти Ниты. Она отговорила меня.

Эдвард. Ты видел ее призрак?

Майкл. Не говори ерунды. Призраков не бывает. Просто я мысленно разговаривал с ней. Как всегда, она дала мне дельный совет. Я так и поступил.

Адам. Что за совет?

Майкл. Испечь грушевый пирог. Она обожала мой грушевый пирог.

Эдвард. Если я услышу еще хоть слово об этом ебаном (FUCKING) грушевом пироге-

Майкл. Честно говоря, у ирландцев самый приятный акцент, но их вульгарность убийственна.

Если бы не это, то их диалект был бы самым красивым в английском.

Эдвард. Диалект?

Майкл. Hiberno- English мог бы быть вполне приятным диалектом. Эти Елизаветинские обороты, эти синтаксические странности, которые обязаны чем-то Галльскому наречию, шипящие-

Эдвард. Ты назвал это диалектом?

Майкл. Это и есть диалект. Hiberno- English.

Эдвард. То, на чем я говорю, не диалект английского.

Майкл. Хорошо, как ты его можешь назвать? Португальским?

Эдвард. Называй мой язык, как тебе угодно. Это не диалект.

Майкл. Ты глубоко невежественный человек.

Эдвард. Я? Послушай, времена изменились, и для английского тоже, я имею в виду язык. Когда ты и твоё племя придумали этот язык, вы были у власти, вы правили миром, и это был ваш язык. Теперь не то. Мы переняли его у вас. Мы сделали его своим собственным. А теперь мы вас в нем превзошли. Вы думали, что обрубили нам языки и мы сидим, плача в углу, грустим об утрате. Послушай. Слезы закончились. Мы использовали вас и ваш язык и, мы победили. Не плохо для народа, который восемьсот лет терпел унижение, дружок, я говорю, как представитель униженного поколения.

Адам. Эдвард, у тебя университетское образование. Ты живешь в более, чем комфортабельном доме. Ты получаешь большое жалование. Какое, к черту, унижение?

Эдвард. Униженное поколение, я сказал. И есть те, кто несут ответственность за это унижение. Он первый.

(Эдвард указывает на Майкла.)

Майкл. Нет веских исторических аргументов для таких выводов.

Эдвард. Помнишь Мор? Помнишь, Великий Голод?

Майкл. Ирландский Мор был чудовищным событием. Я не отрицаю значимость этого. Но, извини. Как я могу нести личную ответственность за то, что было тогда? Это было сто пятьдесят ебаных лет назад.

Эдвард. Это было вчера.

Майкл. Это смешно, Эдвард.

Эдвард. Я ирландец.

Майкл. Тогда, могу я задать тебе, ирландцу, вопрос, если несу личную ответственность? Мне не все ясно насчет Мора. Не может ли быть так, что винить вам надо только свою глупость?

Эдвард. Адам, я его прирежу.

Майкл. Вы поставили себя в полную зависимость от картофеля. Почему вам было не попытаться сбалансировать диету? Морковь тоже очень вкусная. А как насчет хлеба и сыра?

Эдвард. Боже.

Майкл. Это типично. Это так по-ирландски. Рассчитывать на бога, в решении своих проблем. Хорошо, а что если бы ты обратился к богу, а он бы сказал - "стань протестантом?" Чтобы тогда было?

Эдвард. Некоторые из нас стали протестантами.

Майкл. И что с ними стало?

Эдвард. Мы съели их без соли.

Майкл. Они и так достаточно питательны, я думаю.

Адам. Ребята, дайте мне передохнуть.

Майкл. Меня спровоцировали. Ты его слышал.

(Пауза)

То, в чем ты меня обвинил, было ужасным, и я наговорил гадостей, как и ты, но ты обвинил меня лично.

Эдвард. Я ни в чем не обвинял тебя.

Майкл. Адам мой свидетель. Ты возлагаешь на меня персональную ответственность за восемьсот лет гонения.

Эдвард. Это была шутка. У тебя нет чувства юмора?

Майкл. У меня прекрасное чувство юмора.

Эдвард. У тебя такое же чувство юмора, как у моей задницы.

Майкл. В таком случае, к черту тебя и твою задницу.

Адам. Ребята, пожалуйста, ребята.

Майкл. Это чудовищно. Он не делает ничего, чтобы смягчить наше ужасное положение.

Временами мне кажется, что он на их стороне. Я ничего не совершил, чтобы обидеть его. При этом, он нападает на меня, понимая как я страдаю, потому что не знаю жива моя мать или нет, не понимаю жив я или мертв. Можем мы, по крайней мере, сохранять подобие цивилизованной ситуации, в этом ужасном, ужасном...Просто чудовищно. Если ты хотел досадить мне, у тебя первоклассно получилось.

(Пауза.)

Я прошу простить меня за этот ужасный выплеск. Я, наверное, поставил всех нас в опасное положение.

(Пауза.)

Я наговорил кучу глупостей.

(Пауза.)

Эдвард. Я сглупил.

Майкл. Просто эгоизм. Такой же, как и у меня. Мы не думаем об Адаме.

Эдвард. Адам в порядке.

Майкл. Да, конечно, но если бы Адам начал жаловаться-

Эдвард. Он и пожалуется.

Майкл. Адам, слишком-

Адам. Эй, вы, говнюки, Адам здесь. Он сам может сказать за себя.

Майкл. Конечно можешь, Адам.

Эдвард. Ты прав, Адам.

Майкл. Вот и заткнитесь. Пока вы здесь, я здесь, ОК?

(Пауза.)

Майкл. Было бы замечательно выйти отсюда всем вместе, правда? Вы должны пообещать мне поехать в Петерборо и посмотреть собор. Я считаю его самым великолепным зданием в Англии.

Когда я был ребенком, я думал, что в нем, действительно, живет бог.

Эдвард. Вполне приличная команда Петерборо Юнайтед.

Майкл. Эдвард, они никогда не вылезали из четвертой лиги.

Эдвард. Один год они были в третьей. Их выгнали оттуда за какой-то скандал с деньгами?

Майкл. У нас не принято говорить об этом.

Эдвард. Мне до сих пор странно, что ты болельщик.

Майкл. Каждый из нас в чем-то патриот.

Эдвард. Да, понимаю. Дорогой добрый старый Дублин. Когда вы приедете сюда, я прокачу вас вокруг него на Дарте. Это трамвай, который идет по берегу Дублина от Хоуса до Брея. Рахени, Хармстоун, Конноли, Тара, Сандимаунт, Бутерстоун, Бутерстоун_ Господи, увидеть эти названия, произнести их. Там есть птичий заповедник, в Бутерстоуне. Павлины летают там. Я видел одного однажды. Я показал его своей дочери.

(Пауза.)

Ты помнишь, как поют птицы?

(Пауза.)

Птицелов из Алькатраса, это был замечательный фильм, правда?

Адам. Алькатрас около моего дома. Когда я привезу вас в Сан-Франциско, во Фремонт, мы пересечем залив и пойдем в Китайский квартал, где у них лучшие рыбные рестораны в Америке. Омары, омары, и еще раз омары.

(Пауза.)

Это будет хорошо.

(Пауза.)

Все будет хорошо.

Майкл. Вы знаете, что никто еще не имеет точного определения этимологии ОК?

Эдвард. Да?

Майкл. Моя любимая теория- теория Стоунвола Джексона. Может быть, ты слышал, Адам. Это имеет отношение к Гражданской войне в Америке.

Эдвард. Много ирландцев погибли на этой войне.

Майкл. По большей части охраняя рабство.

Эдвард. Попробуй доказать мне это.

Майкл. Унесенные ветром.

Эдвард. Что?

Майкл. С именем Скарлетт О'Хара она вряд ли была из Найтсбриджа.

Эдвард. Лучше расскажи нам о теории Джексона, Майкл.

Майкл. В ней говорится, что он никогда не умел писать и читать, поэтому, когда он подписывал бумаги, он всегда ставил в конце ОК. Это была его поговорка. *О! Конкретно!* Вот он и писывал ОК.

Эдвард. Не мог читать и писать, да?

Майкл. Так говорят.

Эдвард. Он был совершенно неграмотен, так ?

Майкл. Выходит так.

Эдвард. Если кто-то совершенно неграмотен, а не просто ошибается в буквах, то он не может неправильно прочитать. Если он не мог ни читать , ни писать, то как он мог знать об О и К.

Майкл. Да, это немного подрывает теорию Стоунвола Джексона.

Эдвард. Да, немного.

Майкл. Теория всегда очень опасна во всех академических вопросах. Вот, например, лингвистика- таковая-

Эдвард. Что я могу ответить?

Майкл. Я утратил интерес к современной лингвистике много лет назад. Все то, что возбуждало споры между Бумфилдом и Чомски. Это так устарело сейчас. Теория Чомски, как таковая-

Эдвард. Исчезла в своей собственной жопе.

Майкл. Да, именно.

(Пауза.)

Эдвард. Я бы хотел покурить. Я бы хотел выпить.

Майкл. Я бы мог убить за стакан чая.

(Пауза.)

Эдвард. К дьяволу, я отрываюсь, у меня есть выпивка. Кто-нибудь присоединится ко мне? Адам, ты первый, что хочешь выпить?

Адам. Пиво.

Эдвард. Как насчет одного Мартини?

Адам. В таком случае, водку с Мартини .

Эдвард. Смешать или отдельно, сэр?

Майкл. И так и так, пожалуйста. Я фанат водки с Мартини .

Эдвард. Майкл, что тебе?

Майкл. Просто Шерри, пожалуйста.

Эдвард. Шерри? Хорошо. Сладкий?

Майкл. Средний, пожалуйста.

Эдвард. Один маленький полусладкий Шерри, на подходе.

Майкл. Что за дела, - я хочу большой.

Эдвард. Да, дела.

Адам. Эй, я слышу какой-то экзотический аромат, переходящий из одной руки в другую в этом высоком обществе? Подайте это сюда. А затем принесите мне водку с Мартини.

Эдвард. Минуту, сэр. Я буду тоже. Ваше здоровье. *(Вскрикивает.)* Стойте. Тихо.

Майкл. Что такое?

Эдвард. Послушай. Слышишь? Закрой глаза. Ты это услышишь. Дверь, она открывается. Кто-то входит.

(Пауза.)

Это они. Они слышали, как мы забавлялись. Они уверены, что мы напились. Не открывайте глаза. Они здесь. Они смотрят на нас. Они рассержены. Вы видите?

(Пауза.)

Им это не нравится. Они хотели бы помешать нам. Что будем делать?

(Пауза.)

Адам. Пить.

(Пауза.)

Эдвард. Пить?

Майкл. Пить.

Эдвард. Пить.

(Они изображают, что пьют.)

Мы не сделали что, что нам было приказано. Они в шоке. Теперь они наши. Что нам делать с ними? Посмотрите сюда, ребята. Полный бочонок Гиннеса. Достаточно, чтобы накачать кого угодно. Накачать их пивом? Накачать их? Хотите?

(Пауза.)

Майкл. Жалко Гиннеса.

Эдвард. Майкл, добрая душа. Как ты можешь говорить такое. Может нам позволить им присесть? Освободим им место? Ты не пригласишь их к столу?

(Адам кивает.)

В ногах правды нет, ребята. Представьте, что это свадьба или что-нибудь в этом роде, не важно. Немного песен. Разговоры. Как везде в мире. Выпейте, если хотите. Мы не будем вам предлагать. Присоединяйтесь к нам.

Адам. Что они?

Эдвард. Это их дело. Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного. Вам ваша религия, а мне моя религия? За что бы? За счастливый день, когда я выйду отсюда живым. Ваше здоровье, ребята. Просто за этот вечер, за праздник. Давайте. Вы не присоединитесь к нам?

Майкл. Что они делают?

Эдвард. Стоят. Они любят песни., эти арабы. Они слышали, что мы замечательные певцы.

(Эдвард поет 'The Water Is Wide')

The water is wide, and I can't cross over,
And neither have I wings to fly.
Give me a boat that can carry two,
And both shall row my love and I.
For love is gentle and love is kind,
And love is sweet when first it's new,
But love grows old and waxes cold
And fades away like morning dew.
There is a ship and its sails the sea,
She's loaded deep, as deep can be,
But not as deep as the love I'm in
I now not how I sink or swim.

(Адам присоединяется к пению Эдварда.)

Адам. и Эдвард. The water is wide? And I can't cross o'er,

And neither have I wings to fly.

Give me a boat, that can carry two,

And both shall row. My love and I.

(В конце песни Майкл гремит цепями, Эдвард и Адам следом. Внезапная тишина.)

Эдвард. Опять тихо. Ребятки арабы, должно быть, уснули.

Майкл. Им понравилось?

Эдвард. Они не сказали.

Майкл. От их невоспитанности у меня перехватило дыхание.

Эдвард. Эти ребята никогда ничего не говорят. Их сила в молчании. Болтовня может стоять жизни. Это написано на каждой стене от Белфаста до Дерри. Больше всего похожим на них, из тех кого я встречал, был один чудовищный и глупый субъект, которого я подобрал подвезти, думая, что он без денег. Он забрался в машину и тут я увидел, что у него рюкзак. Я не говорил о рюкзаке, я старался завязать обычный разговор, но не тут то было. Он не вымолвил ни слова, кроме да или нет. В конце концов, я спросил, что у него в рюкзаке. Меня прошибал пот. Мы проезжали мимо контрольного поста полиции. Я остановил машину и спросил его о рюкзаке еще раз. Не твоего сраного ума дело, ответил он. Я сказал, - *убирайся сам вместе со своим рюкзаком из моей*

машины. Он открыл дверь, и рванул, как подорванный, рюкзак остался лежать рядом. Пот застилал мне глаза. Я открыл - я открыл рюкзак. Я открыл его.

Майкл. И что было в рюкзаке?

Эдвард. Не твоего сраного ума дело.

(Они прыскают от смеха. Майкл выглядит сконфуженным.)

Майкл. Эдвард, что было в рюкзаке?

Эдвард. Майкл, это шутка.

Майкл. О, я понял. Я понял. Там вообще ничего не было, в этом рюкзаке. Замечательно.

(Смеется.) Замечательно, Эдвард.

Эдвард. Самое время для рассказа. Майкл, ты в хорошей форме. Расскажи нам.

Майкл. Есть очень печальная история в древнеанглийской литературе. Это поэма, под названием "Скиталец."

Эдвард. Мы хотим веселую историю.

Майкл. Есть одна очень веселая история в средневековой английской литературе, она называется "Господин Орфео." Она основывается на Овидиевском мифе об Орфее и вариациях из классических источников, обнаруживающих существенный оптимизм средневекового интеллекта и его веру в человеческую способность победы над отчаянием. Я нахожу эту философию гораздо глубже, чем рефлексию Возрождения. Порой сомнения бывают так разрушительны. Что поделаешь, недостаток веры, я сам от этого иногда страдаю -

Эдвард. Ты хотел рассказать нам историю?

Майкл. Давным-давно жил рыцарь по имени Орфео, который был женат на леди по имени Эродис, и они любили друг друга. Они жили в Англии, в Винчестере, точнее. Средневековые поэты имеют обыкновение мифологизировать родные места. В этом их обаяние. Так о чем это я? Эродис была полна любви и добродетели, ее красота была неопишима. Однажды, Эродис спала под сенью волшебного дерева и, если быть кратким, то была похищена смертью, которая явилась к ней под видом царя подземного царства.

Эдвард. Он тоже жил в Винчестере?

Майкл. На островке Уайт, если быть точным. Не будь ироничным. Она была похищена смертью. Орфео, который, кстати, был великолепным музыкантом, оплакивая свою жену, ушел в лес, там он встретил призрак смерти, *Я проведу тебя, но куда бы я ни пошла, следуй за мной...* Да, да... Он вошел в Аид и играл музыку, и получил назад свою жену, и благополучно вернулся в Винчестер. Таким образом, Сэр Орфео избавился от несчастий. Бог награждает нас по заслугам. Аминь.

Эдвард. Очень мило, Майкл.

Адам. Действительно, замечательно.

Майкл. У нас есть еще выпить?

Эдвард. Шерри?

Майкл. Я думаю, что попробую Водку с Мартини.

Эдвард. Три водки с Мартини на подходе. Держите, ребята. За ваше здоровье.

Адам. За здоровье.

Майкл. Действительно. Довольно вкусно.

(Пауза.)

Эдвард. Но, ты что-то примолк, Адам. Просто молчун какой-то.

(Адам поет.)

Адам. Amazing grace? How sweet it sounds,

That saved a wretch like me.

I once was lost but now I am found,

Was blind, but now I see.

Through many dangers, tall and stern

We have already come.

We have this day to sing God's praise,

Then when we first begun.

That saved a wretch like me.

I once was lost but now I am found,

Was blind, but now I see.

(Пауза.)

Майкл. Спасибо.

Адам. Спасибо.

(Свет гаснет.)

Сцена шестая.

Майкл ест из чаши. Эдвард сидит, не притронувшись к пище. Цепь, которая сковывала Адама лежит свободной.

Майкл. Хорошо.

(Он продолжает есть в тишине.)

Здесь цыпленок. Свежие овощи. По мне, так немного переваренные. Для тебя, я бы сказал, недоваренные. Но все равно, хорошо.

(Пауза.)

Не хочешь поесть? Ты же голоден.

(Пауза.)

Ты не ел три дня. Им это не понравится.

(Пауза.)

Молчание и голодовка ни чем не могут нам.

Мы действительно в опасном положении, мягко выражаясь. Ты скажешь, и не надо выражаться мягко. Но мы не можем давить на них чересчур. Мы можем давить на них настолько, насколько можем, не так ли? Иначе, они вынуждены будут проявить всю свою гнусность. Они оценивают ситуацию. Они понимают, что совершили. В данный момент они колеблются между извинением и надменностью. Постарайся, как и я, взглянуть на ситуацию трезво, утешься тем, что они не хотели убивать Адама- Он умер. У меня есть, как и у тебя, тому доказательство. Мое доказательство- это то, что один из них действительно плакал-

(Пауза.)

Ты думаешь, что он просто издевался над нами? Один из них плакал, когда зашел сюда, в эту камеру. Трудно поверить? Нас обманывают? Откровенно обманывают? Не доверятся этому, так? Они прячут его где-то? Ты переживаешь, что никто не может помочь ему? Он справился, когда они впервые его взяли. Он справится и сейчас. Но ты не станешь есть, пока его не вернут нам? Он не умер? Ты совершенно уверен в этом. Что мне еще сказать, чтоб ты одумался? Понимаю ли я тебя?

(Пауза.)

Эдвард. Они не бы не убили его.

Майкл. Что б ты мог сделать, чтобы остановить их?

(Пауза.)

Адам Мертв, Эдвард.

Эдвард. Ты хочешь, чтоб он был мертв. Ты чувствуешь себя безопаснее, если он мертв. Один из нас упал и ему уже не встать. С его смертью там, снаружи, поднимется большой шум и мы будем спасены. Знаешь что, выбрось все это из своей головы, если они опустили его, то они смогут опустить и нас. Будь в стае, короче говоря. Не ищи себе утешения в его смерти. Это не спасет тебя. Это не спасет меня.

Майкл. Да, это не спасет тебя. Ты надеешься, что это может спасти тебя. Но ты совершенно прав, его смерть не спасет тебя. Ты сам произнес это. Не я тот, кто хочет его смерти. Это ты, не так ли?

(Пауза.)

Я не виню тебя за то, что ты так думаешь. Ты бы хотел придать его смерти какой-нибудь какой-нибудь жертвенный смысл. Ты в скорби, ты в трауре. Ты сходишь с ума от потери.

Эдвард. Он не -

Майкл. *(кричит)* Умер, он мертв, и ты знаешь это.

Эдвард. Ты ничего не понимаешь.

Майкл. Я знаю, что такое скорбь. Знаю потерю. Как это может разрушать тебя. Я знаю.

(Пауза.)

Ты знаешь, что он умер, да?

(Пауза.)

Скажи это, он мертв.

(Пауза.)

Эдвард. Он умер. Я не могу без него. Господи, я не могу без него.

(Пауза.)

Как он мог оставить меня? Как он мог это сделать? Без него, как я вынесу все это?

Майкл. Похорони его.

(Пауза.)

Помяни его.

(Пауза.)

Каким он был?

Эдвард. Он был нежным. Он был хорошим. Он мог быть жестоким, когда был напуган, и хотя он часто бывал напуган, как все мы бываем напуганы, но он не часто бывал жесток. Он был смелым, он мог защитить себя, и тебя, и меня. Он был красивым. Я наблюдал однажды ночью как он спит, когда не мог уснуть сам. Он шел сквозь свои сны, как человек, который не знает, что судьба припасла для него. Он был невинным. Добрый, нежный. Друг. Я верю, без сомнения, что любил его, хоть никогда и не говорил это. Он умер. Похороните его. Вечный свет сияет над ним. Пусть его душа обретет покой. Аминь.

(Пауза.)

Майкл.

Love bade me welcome: yet my soul drew back,
Guiltie of dust and sinne.

But Guick-ey'd Love, observing me grow slack
From my first entrance in,

Drew nearer to me, sweetly questioning,
If I lack'd anything.

A guest, I answer'd, worthy to be here:
Love said, You shall be he.

I hte unkind, ungrateful? Ah, my dear,
I cannot look on thee.

Love took my hand, and smilingdeep reply,.

Who made the eyes but I?

Truth Lord, but I have marr'd them: Let my shame
Go where it doth deserv.

And know you not, sayes Love, who bore the blame?

My dear, then I will serve.

You must sit down, says Love, and taste my meat:
So I did seat and eat.

(Пауза.)

Эдвард. Я голоден.

Майкл. Так поешь.

Эдвард. Дорогой друг.

(Эдвард ест.)

Он умер.

Майкл. Мы -нет.

(Свет гаснет.)

Сцена седьмая.

Майкл оглядывается по сторонам. Эдвард наблюдает за ним. Майкл хлопает в ладоши. Эдвард сохраняет молчание. Майкл вновь смотрит по сторонам. Аплодирует снова.

Майкл. Замечательный удар.

Эдвард. Более, чем глупо с моей стороны спрашивать, но что ты, к дьяволу, делаешь?

Майкл. Ш-ш-ш, я в середине очень важного матча. (Вскакивает на ноги, аплодируя.) О, хорошая игра, Вирджиния, хорошая игра.

Сейчас они меняют позиции, я могу ответить на твой вопрос. Я снова на женском Финале Уимблдона 1977 года. Вирджиния Вэйд, Великобритания, против Бетти Стоув, Голландия.

Королева на свой золотой юбилей посетила Уимблдон впервые. Бедняжка немного скучает, но вот Вирджиния готовится принести победу Британии и напряжение нарастает.

Прости меня, начинается третий сет. Я буду подавать.

(Майкл начинает играть в теннис.)

Прекрасная подача. Вирджиния действительно сегодня на высоте. Как ты думаешь, Дэн Маскел? Конечно, цыплят по осени считают, но мне кажется, что тут пахнет золотом.

О, просто замечательная подача. Вперед, Вирджиния. Молодец. Тот, кто не решителен, в данном случае та, кто не решительна, может проиграть все. О, победа опять у Вирджинии.

Эдвард. На все божья воля.

Майкл. Что ты имеешь в виду.

Эдвард. Что ты завелся?

Майкл. Думаешь, я бы был против, если бы ты устроил Большие Ирландские бега? Футбольный чемпионат? Финал регби? Я могу понять этот кайф. Дело за тобой.

Эдвард. Мне просто жаль бедную крошку Бетти Стоув.

Майкл. Бедная крошка Бетти Стоув шести футов высотой и весом в тонну.

Эдвард. Для ее мамы она по прежнему маленькая крошка Бетти.

Майкл. Ее мама не имеет значения. Вирджиния играет, чтобы выиграть и выигрывает.

Эдвард. Это несправедливо.

Майкл. Это реальность.

Эдвард. К дьяволу реальность. Я ставлю на Бетти. Кто подает?

Майкл. Я.

Эдвард. Отбей это, Вирджиния.

(Майкл подает, четыре раза качая головой, взад и вперед.)

Что ты делаешь?

Майкл. Это ответственный момент в матче. Вирджиния всегда качает головой, в ответственный момент.

Эдвард. Это отвлекает.

Майкл. Это привычка.

Эдвард. Это плохая привычка. Ты не должен...

(Майкл внезапно подает)

Майкл. Опять касание. Моя подача.

Эдвард. Что это значит? Я не был готов.

Майкл. Моя подача.

Эдвард. Я не был готов. Я обращусь в суд. Что я должен был сделать, Адам?

(Он смотрит на пустую цепь. Пауза. Эдвард внезапно имитирует громко американский голос.)

Ты не подумал. Ты не подумал. Ты что, ослеп? Ты что дурак? Это же ад. Черт побери.

Майкл. Мне кажется, что ты знаешь, что Джон Мак Энро не участвовал в женском финале Уимблдона.

Эдвард. Что это значит? Я Бетти Стоув и я задаю вопрос. Ты можешь мне ответить? Я просто спрашиваю..

Майкл. Малоизвестный факт из жизни Вирджинии Вэйд это то, что в юности она была чемпионкой по боксу. Оно встречалась в поединке с Мисс Стоув и послала ее в нокдаун. Это был первый Уимблдонский финал на вылет. Вирджиния сделала это. Вирджиния будет пить чай с королевой. Ваше величество.

(Майкл делает книксен.)

Эдвард. Что?

Майкл. Ваше величество. Поздравьте меня с победой и скажите что-нибудь.

Эдвард. Я сейчас королева?

Майкл. Да.

Эдвард. Хелло.

Майкл. Хелло.

Эдвард. Вот, наконец, и Вы.

Майкл. Спасибо.

Эдвард. Как Ваши дела?

Майкл. Что Вы имеете в виду? Вы только что видели, как я выиграла Уимблдон.

Эдвард. О. да. Это было очень мило.

Майкл. Спасибо.

Эдвард. Вы должно быть очень вспотели, играя в теннис.

Майкл. Должно быть, да.

Эдвард. Это Ваша ракетка. Довольно потная, впрочем, немного пота, это даже приятно .

Майкл. Королевы не потеют.

Эдвард. Почему нет? Известно, что запах пота немного заводит.

Майкл. Хватит. Разрешите мне забрать свою ракетку?

Эдвард. С удовольствием.

Майкл. Я выдохлась, за эти три трудных сета.

Эдвард. Да, конечно.

(Пауза.)

Майкл. Ты очень волосатый человек, Эдвард. Я только что заметил это. Ты никогда не пробовал *Удалитель волос Иммака?*

Эдвард. Иммака?

Майкл. О, ты достаточно взрослый, чтобы помнить *Удалитель волос Иммака?* Моего друга очень беспокоили волосы на теле. Поэтому, когда он услышал об Иммаке, он купил несколько флаконов. Он сказал даме за прилавком, что это для его матери. Это подействовало. Но когда он попробовал применить этот препарат - ты знаешь, побрейте одну ногу бритвой, используйте Иммак для другой ноги, волосистой покров отпадет на ноге с Иммаком, но не тут то было. Он не правильно нанес его. Волосы приклеились к ноге. Вопли были ужасными. Это правда. Это случилось с моим другом.

Эдвард. Сколько тебе было лет, когда это произошло?

Майкл. Семнадцать, мне неловко было признаться. Как ты догадался, что это был я?

(Пауза. Майкл поет.)

Run, Rabbit, Run, Rabbit,
Run, run, run,
Here comes the farmer with his big gun,
He'll get by without his rabbit pie,
So, run, Rabbit, run, Rabbit,
Run, run, run.

(Пауза.)

А было бы забавно, если бы один из нас претворился кроликом.

(Пауза.)

Хочешь, я буду кроликом, а ты пой?

(Пауза.)

Эдвард.

Run, Rabbit, Run, Rabbit,
Run, run, run,

(Майкл бежит на цепи.)

Что ты делаешь?

Майкл. Я изображаю кролика.

Эдвард. Ты совсем не похож на кролика.

Майкл. Ты сможешь лучше?

Эдвард. Пой.

(Эдвард изображает кролика.)

Run, Rabbit, Run, Rabbit,
Run, run, run,
Here comes the farmer with his big gun,
He'll get by without his rabbit pie,
Эдвард. Вот то, что я называю кроликом.

Майкл. По- моему, ты скорее похож на кенгуру.

Эдвард. Какой, к дьяволу, кенгуру?

(Майкл показывает, как Эдвард изображал зайчика.)

Майкл. Run, Rabbit, Run, Rabbit,
Run, run, run,
Here comes the farmer with his big gun,
He'll get by without his rabbit pie,
Эдвард. Совсем на меня не похоже.

Майкл. Очень даже похоже. Знаешь, все это глупо.

Эдвард. Во-первых, не я придумал эту глупую затею.

Майкл. Нет, нет, не ты.

(Пауза.)

Эдвард. Когда у меня дома были события, я интервьюировал для *Дерри* одну женщину. Ей разбили окна, я попросил ее в своей наивности- я был тогда молодым репортером- описать ситуацию. Она сказала, - " Сынок, вся эта ситуация, может быть описана в двух словах. Глупо. Глупо."

Майкл. Это, действительно, была наша вина, в том, что случилось у вас? Это вина англичан?

Эдвард. Глупо.

Майкл. Опиши нашу ситуацию в двух словах.

Эдвард. Боже, помоги нам.

Майкл. Это три слова.

Эдвард. Господи , взгляни на нас.

Майкл. Четыре слова.

Эдвард. Господь и божья мать, помоги нам.

Майкл. Глупо.

Эдвард. Да.

Майкл. Глупо.

(Пауза.)

Эдвард. Они думают, что у нас нет веры, эти арабы. Какая глупость.

Майкл. А у нас есть вера?

Эдвард. Хочешь доказательство?

Майкл. Да. Предоставь его мне.

Эдвард. Кто выиграл Женский Финал Уимблдона 1977 года?

Майкл. Его выиграла англичанка.

Эдвард. Я оставляю шанс, что это был Бог.

Майкл. Хороший удар, Вирджиния.

Эдвард. Хороший удар, Вирджиния.

Майкл. Бедная крошка Бетти Стоув.

Эдвард. Всегда должен быть проигравший. В каждой игре есть проигравший.

Майкл. Это, реальность.

(Эдвард поет.)

Эдвард.

For she is Jolly good fellow,
For she's a jolly good fellow,
For she's a jolly good fellow,
Which nobody can deny.

(Свет гаснет.)

Сцена восьмая.

Эдвард интенсивно упражняется. Майкл делает упражнения менее азартно.

Эдвард поет в такт

Эдвард. Jingle bells, jingle bells,
Jingle all the way.

(Майкл поет задыхаясь.)

Oh, what fun it is to ride
On a one-horse open sleigh.

Эдвард.

Hurrah for dear Santa Claus,
Hurrah for Christmas Day.

(Пауза.)

Майкл. Мне сейчас уже полегче делать десять отжиманий.

Эдвард. Хорошо.

Майкл. Мне кажется, я понемногу прихожу в форму. Сидячая работа разрушает организм, разве это не ужасно?

(Эдвард неистово упражняется. Внезапно останавливается.)

Эдвард. Ты уверен, что это Рождество?

Майкл. Почти уверен.

Эдвард. Сейчас день или ночь?

Майкл. Не могу сказать.

Эдвард. Мы должны быть осторожны на Рождество, особенно, если они не празднуют его.

Майкл. Да, конечно.

Эдвард. Я выберусь отсюда. Я выйду.

Майкл. Ты не сможешь. Ты прикован к стене. Я могу предположить, что случится. Ты совершенно отупеешь и окончательно отчаешься. И не надо вспоминать свою семью. От этого никому из нас не станет легче, если ты будешь все время вспоминать их.

(Пауза. Эдвард поет.)

Эдвард. Oh, come all ye faithfull,

Joyful and triumphant,

Oh, come ye, oh come ye, to Bethlehem.

(Пауза.)

Пришло время Рождества. Покой на земле, добро и счастье всем людям. Покой, что это такое, покой, Майкл.

(Пауза.)

Покой, это лежать с женщиной. Прикасаюсь к ней, невзначай, ко всему мягкому. Ее запах не такой гадкий, как наш. Слушать ее дыхание. Эти единственные звуки, которые слышны в мире. Ее дыхание. Слушай, слушай. Покой вместе, когда она спит, а я нет, чудесно, чудесно. Я прижмусь к ее груди и поцелую, и я буду счастлив, как младенец. Ее ноги двигаются во сне и я беру их и хочу поднять и представить себя утром, в Рождественское утро, в счастливой, счастливой постели, нашей постели. Жена. Жена. Но кто это рядом, это ты Майкл?

(Эдвард смеется)

Бывают минуты, когда твой вид и твой голос внушают мне отвращение. Я слышу твой запах. Отвратный. Твой вид вызывает во мне отвращение. Твои звуки. Я нахожу, что ты воняешь.

Майкл. Ты спал с Адамом?

(Пауза.)

Спал?

Эдвард. Нет.

Майкл. Но хотел?

Эдвард. Нет.

(Пауза.)

Ты мне веришь?

Майкл. У тебя не было случая. Если бы у тебя была возможность, если бы ты не был прикован, если бы меня не было здесь, ты бы хотел переспать с ним?

(Пауза.)

Если бы ты знал, что он умрет, ты бы переспал с ним?

(Пауза.)

Красивый. Добрый, нежный.

Эдвард. Нет. Я бы не стал с ним спать.

(Пауза.)

Я бы хотел другого ребенка. Мне нужен другой ребенок.

Майкл. Да.

Эдвард. Я бы хотел быть отцом своим детям.

Майкл. Да.

Эдвард. Что если я не выйду отсюда живым? Все может случиться. Я курил больше, чем по сорок сигарет в день, пока эти говнюки не схватили меня. У меня может быть рак. Не надо смеяться. Это излечимо, даже рак легких, если вовремя взяться. Мой дед умер от этого, а здесь нет докторов. Понимаешь, Адам был моей главной надеждой. Если бы со мной было худо, то у него же незаурядный талант врача. Я верил ему. Он бы сказал им, что я болен. Что мне нужно идти домой. Я планировал это на Рождество. Я хочу домой, Майкл. Сегодня, Рождество. Я хочу быть дома.

Майкл. Моего отца не было на Рождество. Много лет. Он был в заключении, во время войны. Он вернулся чужим.

(Пауза.)

Он и остался чужим, бедняга. Он никогда не говорил о войне. Это была не его тема. Он умер, он умер от мучений, перенесенных во время войны. Я так и не смог сказать ему, что для меня он был героем. Эти мучения, его мучения были не напрасны. Но мой отец, - знать его, любить его-

(Майкл избегает взгляда Эдварда)

Ты извинишь меня?

Эдвард. Да, да, конечно.

(Пауза.)

Майкл. Иногда, они говорили тихонько о войне, точнее моя мама. Как напуганы были люди, но не показывали это. Это в нашей породе, я думаю. Не показывать страха, даже если ты трус. Я никогда не плакал ребенком, я и сейчас не плачу... Да, да. Однажды ночью, я упал во сне и лежал не двигаясь рядом с кроватью отца. Он плакал перед моей мамой и говорил ей, *ты никогда не должна рассказывать ему, как это было, ты никогда не должна рассказывать.* Я чувствовал ужасную боль в ухе. Мне казалось, что моя голова взорвется от боли. Я прислушивался, потому что думал, что он рассказывает ей что-то о войне, о лагере, но ничего не услышал. Он произносил ее имя, имя, повторяя его снова и снова. Я сказал, что проснулся и что у меня болит ухо. Он потерял мне ухо. И сказал, что есть такое место-Спарта. Храбрые войны пошли оттуда. Когда они чувствовали боль, то не скрывали ее, но справлялись с ней. Не надо пугаться боли. Надо уметь управиться с нею. Тебя вырастила сильная женщина. Самые храбрые мужчины иногда ходят женщины. Перед тем, как идти сражаться спартанцы причесывали друг друга. Враги смеялись над их изнеженностью. Но сражение выиграли спартанцы. Это была, по-настоящему, наша единственная с ним беседа. Я был уже достаточно взрослым, чтобы запомнить каждое слово.

(Пауза.)

У меня был еще один разговор с ним. Это было после его смерти. Я читал староанглийскую поэму, под названием *Странник*. Человек сидит в одиночестве, в заснеженной пустыне, вспоминая то время, когда у него были друзья, у него были мечты, а сейчас он покинут всеми. И я услышал отца. Я почувствовал его дух. Я услышал его в этой древней поэме, говорящим голосом Англии, для самой себя, прежде всего. Одна строчка не выходила у меня из головы. *Oft him anhaga are gebideth.* Я долго пытался понять до конца, о чем это. Мне кажется, это значит *Человек, который одинок, временами должен испытывать сострадание, сострадание к самому себе.*

(Пауза.)

Слишком долго в нашей дорогой жизни мы скорбим о потерях- мой отец умер- но приняв свою судьбу. *Wyrd bith ful araed.* В той же поэме. *Wyrd bith ful araed.* Судьба есть судьба. Когда я читаю *Странника*, Я чувствую, что отец во власти отца. Я ощущаю его, ощущаю Англию. Я люблю свою страну, потому что я очень люблю ее литературу. Я горжусь тем, что преподаю ее. И эта гордость, да именно гордость, она причина того, что я не лишился здесь рассудка. Мама, любимая, помни обо мне... дорогой папа, которого нет, молись за меня... жена, любимая моя, любимая жена... Лучше бы мне потерять свою жизнь, чем потерять... жену. Глупо. Ее смерть была глупой.

(Майкл смеется.)

Эдвард. Что с ней случилось?

Майкл. Глупо.

Эдвард. Как она умерла?

Майкл. Автомобильная катастрофа. Она ехала на работу. Был май месяц. Меня не было с ней рядом. Я редактировал статью дома. Я поднял телефонную трубку и мне сообщили из университета, что она находится на месте аварии без сознания. Я понял. Через пол часа они позвонили и сказали, что она умерла. Я поехал опознавать ее. Она выглядела ребенком упавшим со своего велосипеда. Именно я настоял на том, чтобы она купила машину. Мы оба работали. Мы могли позволить себе машину. Полные любви и счастья. Все ушло. Такова жизнь. Некоторое время я спал с зажженным светом в комнате. Однажды, я выключил свет. Все прошло.

Счастливого Рождества, Эдвард.

Эдвард. Счастливого Рождества, Майкл.

Майкл. Я так и не научился водить.

Эдвард. Ты думаешь, я удивлен, солнышко мое.

Майкл. Несчастный маменькин сыночек, да?

Эдвард. Что бы ты хотел на Рождество?

Майкл. Мне преподнесут подарок?

Эдвард. Все, что хотите, сэр.

Майкл. Ладно, меня бы устроила освежающая салфетка.

Эдвард. Не могу поверить.

Майкл. Без нее очень неудобно.

Эдвард. Мы здесь тонем в дерьме, в этой дыре, ни с кем не общаемся, у нас нет ничего - я предлагаю тебе весь мир на тарелочке, и что ты просишь? Освежающую салфетку.

Майкл. У меня простые потребности. Я не прошу многого.

Эдвард. Хорошо, за то, что ты хороший мальчик, я дам тебе кое что особенное. Посмотри, это машина.

Майкл. Какой дурной вкус, Эдвард.

Эдвард. Новая машина, прыгай в нее.

Майкл. Уже запрыгнул.

Эдвард. Включи зажигание.

Майкл. Порядок. Что дальше?

Эдвард. Лучший способ научить кого-нибудь - это разрешить ему выбрать свой путь и свою скорость. Что ты думаешь делать дальше?

Майкл. Я ставлю ногу на эту маленькую педаль.

Эдвард. Ставь свою ногу на эту маленькую штучку.

Майкл. Я разворачиваюсь, с помощью этой баранки?

Эдвард. Да, баранки.

Майкл. А если я хочу ехать быстрее, то нажимаю на эту штуковину?

Эдвард. Нажимаешь.

Майкл. Мой Бог, она поехала, она поехала. Я веду машину. Я действительно веду машину. Посмотрите, как я веду машину.

Эдвард. Помашите людям, они приветствуют тебя.

(Майкл царственно машет.)

Майкл. Я балдею, как Королева Мать.

Эдвард. Я не хотел бы тревожить Королеву Мать, но посмотри назад. Ты увидишь, что нас преследуют.

Майкл. Кто?

Эдвард. Враги. Гони, как сумасшедший. Они палят из пушек.

Майкл. Нажать на эту педаль?

Эдвард. Жми, жми, жми. Они целятся в нас.

Майкл. Я жму, я жму.

Эдвард. Давай, парень, давай. Быстрее, быстрее. Вспомни о Стиве Маккьюне из *Больших Гонок*.

Майкл. Что он сделал?

Эдвард. Его схватили. Чтоб ему. Забудь о Стиве Маккьюне. Просто гони быстрее.

Майкл. О. Господи, Эдвард, Я не могу удержать руль. Она не слушается меня. Она живет сама по себе. Мы едем туда, куда она нас везет. Оставить мою ногу на этой педали?

Эдвард. Держи ногу на этой педали.

Майкл. Эдвард, машина взлетает. Она летит. Мы в летающей машине.

Эдвард. Как может машина летать?

(Майкл поет.)

Майкл.

Oh, you, Chitty-Chitty Bang Bang,
Chitty- Chitty Bang-Bang we love you,
And our Chitty- Chitty Bang-Bang,
Chitty- Chitty Bang-Bang love us too.

(Эдвард присоединяется.)

Вместе. Heigh-ho, everywhere we go,
On Chitty-Chitty wheels we say
Bang- Bang Chitty- Chitty Bang-Bang,
Our fine four fendered friend.

Майкл. У-и-и-и.

Эдвард. Где мы?

Майкл. Летим над морем. Мы оставляем его позади. Смотри Эдвард, это Европа. Я вижу Францию, и Германию, и Италию. Европа замечательно выглядит, не так ли? Привет, Европа, как дела? Ты скучаешь без нас? Смотри, Эдвард. Прямо вниз. Это Англия. Виден берег Англии. Я думаю, что это Дувр. Вот синие чайки над белыми скалами Дувра.

Эдвард. Вижу, одна из них наделала тебе на голову.

Майкл. Не важно. Поворачиваем на Север, покидаем Дувр. Пролетаем Лондон. Ого, вот здания Парламента и те, кто обитают в них, те, кто бросил меня здесь, гнить в ливанской тюрьме. Наделать им на голову или на них и дерьма жалко тратить? Лечу дальше. Я вижу вершину, которую искал. Летим вниз, Читти. Вперед, Эдвард. Мы направляемся в Петерборо. Ты видишь собор? Я собираюсь сделать то, что всегда хотел. Я позволю Читти сесть на самый верх собора и посмотрю на него сверху вниз, через крышу.

Эдвард. Нет, тебе не удастся.

Майкл. Удастся. Это очень увлекательно лазать по крышам. Людей обычно не пускают даже на третий этаж.

Эдвард. Опустит меня вниз. У меня кружиться голова..

Майкл. Посмотри на прекрасный западный фасад. Божий промысел. Грандиозная архитектура. Извини за крашеные стекла. Викторианские. Ужасные. Ладно, по своему хороши, будем великодушны.

Эдвард. Спусти меня вниз.

Майкл. Не паникуй. Ты в надежных руках. У меня был ужасный страх перед вождением, но ты научил меня справляться с ним, и с тобой, позади, в машине, я чувствую себя совершенно уверенно.

Эдвард. У меня есть новости для тебя. Я также не умею водить.

(Майкл вопит.)

Майкл. Мы падаем. Мы падаем.

Эдвард. Поворачивай руль. Жми на педаль.

Майкл. Я давлю на нее ногой.

Эдвард. Не прикасайся к маленькой кнопке.

Майкл. Я и пальцем к ней не притрагиваюсь.

Эдвард. Мне не видно. Что происходит?

Майкл. Все в порядке, мы летим опять.

Эдвард. Классный парень, Читти-Читти, классный парень.

Майкл. Мне кажется, что Читти-Читти- это девушка.

Эдвард. Куда она держит курс?

Майкл. Она летит на запад, через Англию, Бирмингем, и Ливерпуль, смотри сам. Говори, где мы.

Эдвард. Господи, я вижу, дом, Ирландию. Взгляни сюда. Ее очертания. Цвет. Зеленый, он зеленый. Я опять вижу зеленый цвет. Хорошая девочка, Читтти-Читтти, хорошая девочка. Давай. Ниже, ниже, ниже. Приземлимся?

Майкл. Конечно, запросто.

Эдвард. Теперь поезжай.

Майкл. Куда?

Эдвард. Просто поезжай. Сегодня Рождество. Вези меня туда, где мы бываем на Рождество. Я хочу побродить среди могил. Я хочу увидеть могилу своего отца. Я должен поговорить с ним. Просто поговорить.

(Пауза.)

Па, это я. Это Эдвард. Твой сын, ты помнишь? Ты узнаешь меня?

(Пауза.)

Меня не было какое-то время, па. Ты понимаешь меня?

(Пауза.)

Сынок, я умираю, сынок.

(Пауза.)

Па, ты никогда не умрешь. Никогда.

(Пауза.)

Да, я умру, сын.

(Пауза.)

Ты переживешь всех нас, па.

(Пауза.)

Я отправлюсь в Ад, сынок?

(Пауза.)

Ада не существует.

(Пауза.)

Молись за меня. Молись за меня.

(Пауза.)

Я не вижу сквозь эту ночь. Ты слышишь мое дыхание?

(Пауза.)

Да.

(Пауза.)

Да, я слышу, как ты дышишь.

(Эдвард поет.)

Tell me a story,

Tell me a story,

Tell me a story and then I'll go to bed.

(Пауза. Эдвард смеется.)

Тебе что-нибудь нужно, па? Хотя что-нибудь? Расскажи мне сказку, расскажи мне...

(Пауза.)

Священник пришел увидеть меня, сынок. He's saying Masses. Он служит мессу. Молись за меня. Я попаду в ад?

(Пауза.)

Это и есть ад, па. И я нахожусь в нем. Мне страшно, па. Помоги мне. Пожалуйста, заведи меня из этого места. Возьми меня за руку и выведи отсюда. Если ты в раю, ты спасешь меня?

Майкл. Смейся, Эдвард.

Эдвард. Они сломали меня.

Майкл. Они действительно тебя сломали.

Эдвард. Спаси меня.

Майкл. Они могут услышать ,как ты плачешь. Смейся.

(Пауза.)

Смейся, ублюдох, смейся.

(Пауза.)

Смейся.

(Свет гаснет.)

Сцена девятая.

Эдвард, свободный от цепей, одевается. Майкл наблюдает. Молчание.

Эдвард. То, что я Ирландец, помогло мне. Я не знаю, чем заплатил парламент.

Майкл. Да.

(Пауза.)

Эдвард. В первую очередь, я поеду навестить твою мать.

Майкл. Сделай это, пожалуйста.

Эдвард. Я скажу ей, что с тобой все в порядке.

Майкл. Да, пожалуйста. Успокой ее.

Эдвард. Обязательно.

(Пауза.)

Майкл. Эдвард, если она умерла-

Эдвард. Она жива, Майкл.

Майкл. Она жива. Пожалуйста, передай мои наилучшие пожелания твоей жене и семье и скажи им, что я надеюсь увидеть их.

(Пауза.)

Эдвард. Обязательно. Я расскажу им все о тебе.

Майкл. Расскажи.

Эдвард. Я все помню.

Майкл. Я буду скучать по тебе.

Эдвард. И я.

(Пауза.)

С тобой все будет в порядке?

Майкл. Я, потеряю надежду? Никогда. Вспомни, я болею за Петерборо Юнайтед.

Эдвард. Абсолютно точно. Они отпускают меня из-за Адама. Мне кажется, что они немного нуждаются в хорошем общественном мнении. Он спасает нас, он присматривает за нами.

Майкл. Ты на свободе, Эдвард, а я здесь.

(Пауза. Эдвард завязывает галстук.)

Эдвард. Я никогда не понимал, как их носят. Больше подходит для какого-то спектакля. Они сломили меня, правда?

(Пауза.)

Майкл. Да, они сломили тебя.

Эдвард. Я не знаю, что я буду делать, когда выйду отсюда.

Майкл. Не терзай себя. Не пей много.

Эдвард. Не буду. Я обещаю. Мы должны были идти вместе.

Майкл. Но не идем.

Эдвард. Да.

Майкл. Когда ты плакал, тебя слышали. Меня нет. Может быть, я недостаточно сильно плакал?

Может они думают, что я не достаточно страдал? Это все из-за этого? Посмотреть как мы страдаем? Но к чему? Зачем это? Я не знаю. И никогда не узнаю. Ты знаешь, что за все то время, пока я находился здесь, мне ни разу не снилось, что я закован. Всегда в моих снах я свободен. Свободный человек. И я действительно бы хотел, чтоб мои сны сбылись. Ты скажешь им это? Может быть, сны станут другими тут без тебя. Может, я даже уснуть не смогу.

Эдвард. Уснешь. Ты должен. Ты должен беречь свои силы. Ты самый сильный парень, из всех кого я знал. Я-я нет. Ты нужен мне. Я из всех сил буду ... буду приглядывать за тобой.

Майкл. Это самое главное.

Эдвард. Поспи, пусть тебе что-нибудь присниться.

Майкл. Да. Двигай, а то они могут передумать.

Эдвард. Верно. Верно.

(Из кармана своего пиджака Эдвард достает расческу. Эдвард подходит к Майклу. Эдвард причесывает ему волосы и передает расческу Майклу. Эдвард наклоняет свою голову. Майкл причесывает Эдварда. Майкл отдает Эдварду расческу.)

Верно.

Майкл. Верно.

Эдвард. Удачи.

Майкл. Удачи.

(Эдвард уходит. Майкл продолжает стоять. Его трясет. Он справляется с собой. Пауза.)

Oft him anhaga are gebideth. Wyrð bith ful araed.

(Пауза.)

Где бы ты ни был, я буду с тобой, где бы я ни был, ты будешь со мной.

(Пауза.)

Верно. Верно. Удачи.

(Он гремит цепями, которые сковывают его.)

Удачи.